

Военные
Приключения

ГАТЧИНСКИЙ БЕС

АЛЕКСАНДР ДОМОВЕЦ

Военные приключения

Александр Домовец

Гатчинский бес

«ВЕЧЕ»

2019

Домовец А. Г.

Гатчинский бес / А. Г. Домовец — «ВЕЧЕ», 2019 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4484-8067-6

Уютная мирная Гатчина, где расположен «русский Версаль» – резиденция императора Александра Третьего, потрясена чередой сумасшествий и загадочных убийств. Ужасные происшествия таят в себе неясную угрозу для императора. Но какую? И кто творит гатчинскую жуть? Это по поручению обер-прокурора Святейшего синода Победоносцева должен выяснить отставной гусарский поручик Сергей Белозеров. Но по мере расследования ему начинает казаться, что нелюдских рук это дело...

ISBN 978-5-4484-8067-6

© Домовец А. Г., 2019

© ВЕЧЕ, 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	19
Глава четвертая	25
Глава пятая	29
Глава шестая	35
Глава седьмая	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Александр Григорьевич Домовец

Гатчинский бес

Роман

* * *

«Военные приключения»_® является зарегистрированным товарным знаком, владельцем которого выступает ООО «Издательство „Вече“». Согласно действующему законодательству без согласования с издательством использование данного товарного знака третьими лицами категорически запрещается.

© Домовец А. Г., 2019

© ООО «Издательство „Вече“», 2019

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2019

Пролог

Народовольцы между собой называли Желябова машиной – и напрасно. Сух и методичен, предпочитает простые линейные решения, равнодушен к своей и чужой боли – все так. Но при этом чертовски изобретателен во всем, что касается главной цели партии. Убийства царя... И теперь, 21 февраля 1881 года, он излагал собеседникам новый план.

– Пять покушений провалились, – негромко говорил он, обращаясь к Перовской и Кибальчичу. – Пять! В том числе два наших... Гибли товарищи, впустую растрчивались усилия и деньги. И где гарантия, что первого марта на Екатерининском канале мы наконец своего добьемся?

Кибальчич пожал плечами.

– За бомбы я ручаюсь, – спокойно сказал он, помешивая ложечкой чай.

– А я ручаюсь за Рысакова, – добавила Перовская, не глядя на Желябова.

Коренастый, в мятом пиджаке, с вечно взъерошенной бородой, скрывавшей мягкий округлый подбородок, он был ей неприятен. И если Софья спала с ним, то лишь потому, что товарищу по партии отказывать нельзя. Этика! Неписаная, однако действенная и реальная. В партии все общее: деньги, оружие, женщины...

Желябов исподлобья оглядел собеседников.

– Будет запасной вариант, – сказал он.

– Что значит «запасной»? – тут же спросил Кибальчич.

– Рядом с Рысаковым поставим Гриневицкого, – пояснил Желябов. – Предположим, бомба не взорвется или Александр уцелеет. Вот тогда Игнатий добьет. Будем работать наверняка. Честь партии требует, чтобы царь был убит!

Кибальчич внутренне усмехнулся. Запасной вариант он и сам держал в голове. В своих бомбах он был уверен, однако перестраховка не повредит. Инженер по профессии и складу ума, он привык рассчитывать варианты. На этот раз императору не уцелеть. Лично против Александра Кибальчич ничего не имел. Он просто был уверен, что царская власть себя изжила, вот и все. И если она сойдет с исторической авансцены под взрывы и вспышки, если захлебнется своей кровью и подавится ошметками собственной плоти, – значит, так тому и быть. А он, инженер Кибальчич, выполнит миссию акушера, принимающего новую жизнь через боль, страдание, нечистоты...

Еще с час они говорили про Гриневицкого с Рысаковым, обсуждали мелкие пункты. Потом Перовская и Кибальчич засобирались. Ну и на здоровье... Желябов ревностью не страдал. Он знал, что Софья спит не только с ним, но и с Николаем. И что теперь? Устраивать сцены? Чушь. Во-первых, худосочная Перовская его не волновала. Иногда бунтовала физиология, это верно, все живые люди, а Софья всегда была под рукой. Но главное, Желябов однажды и навсегда влюбился совсем в другую женщину. Звали ее – Революция.

Он бредил ею. Он вздохнул читал про Дантона, Робеспьера и Марата. Он обливался слезами восторга над описанием гильотины, пресекавшей земной путь Людовика Шестнадцатого. Уничтожив императора, он распахнет для России дверь, за которой откроется новый путь, новая жизнь, новые возможности. И когда-нибудь его за это благословят... И если ради этого надо переступить через труп Александра, – переступит, и думать не о чем.

Однако, при всей внутренней экзальтированности, Желябов оставался вполне практичным человеком. Он крепко держал партию в руках, хорошо считал ее деньги... Нет денег – нет и партии, это он понимал. Хотя что называть партией? На всю бескрайнюю Россию есть лишь несколько сот яковинцев, присягнувших «Народной воле». Много это или мало? Желябов считал, что достаточно. Ему был нужен лишь Кибальчич с его бомбами да боевики вроде

Михайлова или Рысакова. Все остальные – так, подсобный материал, фундамент, на котором стоит он, Желябов.

Но и самым доверенным – Кибальчичу, Перовской – он не рассказывал о человеке по имени Виктор, которого считал своим личным резервом, страховкой партии на случай провала.

Желябов этого человека... ну, не то что боялся... но побаивался. Страх пришел, когда Виктор, прикрывая отход с конспиративной квартиры, придушил случайного прохожего. Точнее, голыми руками свернул тому шею, как цыпленку. «Зачем»? – потрясенно спросил Желябов. Виктор пожал плечами. «А если шпик»? – ответил он вопросом на вопрос. Глядя на случайный труп (и пискнуть не успел), Желябов подумал, что, собственно говоря, о Викторе ничего не знает. Однажды пришел сам, сказался готовым на все и предъявил свои способности. Материалист Желябов даже не представлял, что такое возможно...

– Зачем мы тебе нужны? – только и спросил, прокашлявшись. С такими навыками человек сам себе армия...

Виктор посмотрел исподлобья.

– А чтобы наверняка, – сказал он. – У вас какая-никакая организация, а я один...

– Как ты о нас узнал?

Виктор хмыкнул.

– О вас только ленивый не знает, – равнодушно сказал он. – Куда только полиция смотрит... Вот ты! – Он ткнул Желябова в грудь – неожиданно и больно. – Желябов Андрей Михайлович, мещанин, состоишь на учете в Никольском околотке, вероисповедания православного, не женат, в предосудительном не замечен... пока.

Желябов собрался с мыслями.

– Чего ты хочешь? – спросил он наконец. Парень очень походил на провокатора. Правда, невероятные способности...

– Мне с вами по пути, – твердо сказал Виктор. – Вот с тобой по пути. Ты мужик правильный. Это ничего, что вокруг профурсетки выются. Они для тебя пыль. Главное, – ты хочешь убить царя. – Он посунулся к бледному лицу Желябова. – И я хочу. Вместе мы сделаем.

Он так и сказал – «сделаем». Жестоко и спокойно сказал.

Желябов взял себя в руки.

– Связь будешь держать только со мной, – твердо произнес он. – Где ты живешь?..

В тот вечер условились о способах связи, и партия, сама того не подозревая, пополнилась новым членом...

Проводив Кибальчича с Перовской (бурной ночи, товарищи!), Желябов проветрил квартиру и поставил самовар. Усмехнувшись, достал из ящика стола револьвер и сунул во внутренний карман куртки. К решительному разговору все было готово. Виктору, конечно, он, Желябов, не по зубам. И все-таки... да, побаивался. В этом человеке ощущалось что-то темное, непонятное, пугающее. Что-то метафизическое. Было бы чертовски интересно посмотреть на его родителей...

Виктор пришел точно в девять вечера, как и договаривались. Снимая пальто в мелких снежинках (усы и подусники в ледяных бриллиантиках), коротко оглянулся и поморщился.

– От кого хочешь отстреливаться? – спросил насмешливо, кивая на оттопыренный карман куртки.

– От тебя, вестимо, – спокойно сказал Желябов.

Виктор зевнул.

– Ну, и зря, – скучно сказал он. – Мы же с тобой сразу договорились, что каверз друг другу чинить не будем. Знаю, что боишься меня... и глупо. Одно дело делаем.

– Ты бы еще объяснил, откуда такой взялся, – пробормотал Желябов. Говорил он это не раз, и всякий раз Виктор только отмахивался.

За чаем Желябов коротко изложил план покушения.

– Дельно, – сумрачно оценил Виктор. – Но почему этот босяк Рысаков? Ты мне обещал...

– Даже не думай, – твердо сказал Желябов. – У тебя другая роль.

– То есть?

– Твое дело поважнее будет. И не спорь, слушай меня...

Желябов с удовольствием чуть ли не впервые за год общения обнаружил, что Виктор способен удивляться. Вон даже бакенбарды ерошить начал, смотрит с недоумением... Желябов приблизил лицо к лицу и продолжал негромко:

– Все должно получиться, слышишь? И все получится. Александру не жить. А вот жить ли после этого партии... не знаю. Просто не знаю. Армия, полиция, жандармерия – все ловить нас кинутся. Встанет ли народ, защитит ли нас? Не уверен. Народ было... я знаю. Мерзкое болотное было.

– Согласен, – так же негромко откликнулся Виктор.

– И получается, что дело останется незавершенным, – продолжал Желябов. Он сам себе в этот миг нравился: спокойный, властный, всезнающий. Пророк. – Я, может быть, революции не увижу. Но она будет, непременно будет. И если я чего-то не успею, доделаешь ты.

Виктор отодвинулся и внимательно посмотрел на Желябова.

– Что ты имеешь в виду? – спросил он.

– А вот что...

Желябов поднялся и, разминая ноги, прошелся по кухне. Мельком подумал, что решать мировые проблемы на кухне – исконная русская традиция. Усмехнулся.

– Ты мне нравишься, – наконец сказал он, присаживаясь. («Это намек?» – хмыкнул Виктор.) – Не зубоскаль... Ты человек твердый. Кому я могу оставить партию? Кибальчичу? Он, кроме своей химии, ничем не интересуется. Перовской? Баба, она и есть баба. Кому? Истеричке Засулич? Ну, есть еще кое-какие люди, но именно что «кое-какие»... Если завтра со мной что-то случится, кто сделает дело? Кто Россию вздыбит?

Виктор слушал, прищуря глаза, и понимал, что у Желябова ярко выраженная мания величия. Надо же – вздыбить Россию... Его личные планы были не в пример скромнее. Он хотел убить императора – и только. Были на то свои причины. Однако партия – пусть немногочисленная – это кое-что. На дороге не валяется. И если Желябов, предчувствуя провал, хочет подстраховаться, то он, Виктор, ему в этом поможет. Весь мир взорвать, конечно, не получится. Но хотя бы эту ненавистную, грязную, Богом проклятую Россию...

– Можешь на меня рассчитывать, – спокойно сказал он. – Однако как ты себе это представляешь? В партии меня не знают, я всегда контактировал только с тобой...

Желябов вышел в комнату и вернулся, держа сложенную пополам тетрадку.

– Возьми, – буднично сказал он. – Это список членов партии. Каждый откликается на пароль. Это мой личный пароль. Тебя будут слушаться.

– Что за пароль? – спросил Виктор.

Желябов сказал – на ухо. Виктор высоко поднял брови.

– Вот как... – протянул он.

– Нравится? – спросил Желябов, скалясь. – Вот еще...

Он протянул Виктору мелко исписанный лист бумаги.

– Мы не бедные, – сухо сказал он. – Деньги у нас есть. Пожертвования, эксы и вообще... Это номера счетов в Петербургском кредитном обществе, в филиале Швейцарского банка, во французском «Кредит женераль». Разберешься, не маленький.

– И ты мне все это отдаешь? – спросил Виктор после паузы, пряча лист в карман.

Желябов молчал долго. Долго-долго. А потом вдруг засмеялся.

– Слушай, а давай водки выпьем? – предложил он. – Что мы все чай да чай...

Достав бутылку казенной, налил два стакана, разломил черствый калач и выложил револьвер.

– Это закуска? – хмуро спросил Виктор.

– Это предупреждение, – почти весело сказал Желябов, и мелькнуло у него в глазах что-то сумасшедшее. – Я тебе сейчас отдал... Да я тебе сейчас отдал все: и людей, и деньги. Всю партию отдал. Я нищ!

Последние слова он проговорил совсем лихорадочно. «А ты, брат, истерик», – подумал Виктор и вслух произнес:

– Вообще-то я не напрашивался.

– А это неважно, – сказал Желябов, тихо смеясь. – Заруби на носу: отныне партия на тебе. Она пока ничего не знает, но она уже на тебе. Может, конечно, все еще и сложится. Может, через месяц власть рухнет, и я возглавлю правительство. А может, на гильотину пойду...

– На виселицу, – поправил Виктор, не глядя на Желябова. – В России нет гильотины.

– Заткнись... И запомни: этот Александр – мой. А следующего, если у меня ничего не выйдет, прикончишь ты. – Желябов залпом опрокинул стакан и уже спокойно добавил: – Ты сможешь. Поклянись, что все сделаешь. Слышишь? Поклянись! Или... – Он взялся за револьвер.

Виктор поднялся. Пафос он не переносил ни в каком виде. И вид взъерошенного бледного Желябова с оружием в пляшущей руке был ему неприятен. Ну, надо же: «Возглавлю правительство»... Уже не в первый раз Виктор подумал, что никакого серьезного осмысления ситуации у террористов не было. Да, пожалуй, и быть не могло. Ну откуда, скажите на милость, в умишке разночинца-народовольца сложится система управления огромной страной? Они мужественно суетились, они конспиративно шептались о борьбе за счастье народа и время от времени кого-то убивали во имя этого счастья... Их сила была лишь в том, что они действительно не боялись умирать. Жизнь их не баловала, и они ею не дорожили. И уж тем более не дорожили чужими жизнями.

– Не подведу, – наконец бросил Виктор и направился в прихожую. На него неожиданно упало целое наследство. Предстояло подумать, что с этим делать.

Провожая гостя, Желябов вдруг придержал за рукав и с неловкой улыбкой спросил:

– Ну, может, хоть сейчас объяснишь, откуда такой взялся? С какой звезды упал?

Виктор слегка улыбнулся.

– Звезда местная, российская, – почти весело сказал он. – Да не переживай ты так, все будет хорошо...

Через девять дней императора Александра Второго взорвали.

Через месяц Виктор стоял в толпе на Сенатской площади и смотрел, как вешают Желябова, Кибальчича, Перовскую... Черные башлыки на головах скрывали искаженные лица и вывалившиеся языки, из-под висельных балахонов торчали судорожно дергающиеся ноги. Некрасивое зрелище.

– Паскуды, – тяжело сказал вдруг стоящий рядом бородатый человек в сермяжном кафтане. – Какие паскуды, прости Господи... Трижды повесить, и то мало. Отца нашего убили.

Он яростно сплюнул. Виктор не сразу понял, что бородач имел в виду императора.

– Да уж, – пробормотал он и начал пробираться сквозь толпу.

В тот вечер он долго стоял на Гребном канале. От Невы тянуло сыростью, хотя вечер был теплый. Кутаясь в пальто, Виктор соображал, что делать дальше. В конце концов, он достал тетрадку Желябова, порвал в мелкие клочья и бросил в реку.

Пожалуй, партия ему не нужна. Он сам себе партия. А за «Народную волю» сейчас возьмутся так, что держаться от нее надо подальше.

Зато партийная касса очень даже пригодится. Убить императора – дело непростое, дорогостоящее...

Глава первая

Отставной гусарский поручик Сергей Васильевич Белозеров имел от роду двадцать пять лет и был прирожденным воякой. Прежде всего, знатно рубился на саблях. Стрелял так, что полковой командир ставил в пример всему личному составу. И, наконец, ни черта не боялся. Покойный батюшка, офицер Крымской войны, раз и навсегда, еще в кадетской юности Сергея, доступно объяснил, что двум смертям не бывать, а одной не миновать. Для офицера же смерть за Отечество – участь наидостойнейшая. На земле будут помнить, на небе зачтется... Так чего трусить? Сергей и не трусил. В любом обществе держался с достоинством и на маневрах всегда рвался вперед, рискуя даже сломать конный строй.

Больше всего на свете поручик Белозеров любил женщин и лошадей. Целуя кареглазую кобылу Фиалку в бархатную теплую морду, он был счастлив. Впрочем, впиваясь в сочные губы купеческой вдовы Феодоры Спиридоновны Подоприторы, он радовался тоже... Лошади и женщины отвечали ему полной взаимностью. Да и как не любить высокого широкоплечего молодца с пышными усами и густой пшеничной шевелюрой? С большими синими глазами, смотрящими на мир открыто и весело? Красавцем его, может, никто бы и не назвал, но в грубоватом лице, отмеченном добротой и хитринкой, было нечто, заставлявшее мужчин завидовать, а женщин вздыхать.

Как же получилось, спросите вы, что такой многообещающий гусар вышел в отставку, толком и не послужив? Двадцать пять лет, предрасцветная пора жизни, – а мундир с поникшими эполетами уж пылится в гардеробной...

Собственно, из-за мундира-то все и получилось.

Дело было шумевшее. Молодой император Александр Третий по неопытности вручил бразды военного министерства недалекому Ванновскому. Опытеннейшим высочайшим доверием почтенный генерал с ходу замахнулся на реформу. Известно же, в России хлебом не корми, дай что-нибудь улучшить... Нельзя сказать, что все в его действиях было глупо. Крымская и турецкая войны обнажили тучу проблем, и с армией предстояло работать не покладая рук. Однако начали, как водится, не с того.

Сначала переделали уланские и гусарские полки просто в драгунские. Вот как в Америке, где недавно завершилась война за независимость (а опыт этой войны Ванновский просто боготворил). Затем гусар заставили заниматься строевой подготовкой, объяснив, что лошадь – это лишь тягловая единица, а вовсе не душа кавалерии. И венец всего – запретили красивые, овеванные славой, воспетые Давыдовым и Пушкиным кавалерийские мундиры. Отныне бывшим уланам и гусарам предстояло нести службу в кафтанах и армяках, столь же неудобных, сколь и нелепых. «Я гусар, а не конюх», – дерзко написал генерал-инспектору кавалерии Сухотину командир Киевского гусарского полка Вяземский. Одновременно он подал прошение об отставке. Следом подали в отставку все офицеры. Подчеркнем: все, от ротмистров до прапорщиков. Надо ли говорить, что в числе смутьянов оказался и наш Белозеров... Полк с двухвековой историей впору было расформировывать!

Скандал вышел до небес. Рассказывают, что узнавший о массовой отставке Александр аж побелел. «Это бунт?» – тихо спросил он военного министра. Тот разводил руками и что-то блеял о непотребном своеволии русских янычар. Все отставки, разумеется, были приняты. А каждому из отставников Александр лично распорядился выдать волчий билет без права ношения мундира...

Вот так и вышло, что в двадцать пять лет примерный выпускник Николаевского кавалерийского училища, досрочно удостоенный звания поручика, Сергей Васильевич Белозеров разом лишился службы, жалованья, любимой Фиалки, Феодоры Спиридоновны... да, собственно, лишился всего. Хотя нет: купеческая вдова очень даже не возражала продолжить

отношения и даже сулила Белозерову в случае честной женитьбы кроме своего белого тела – большой дом в городе Василькове, где квартировал полк, дом в Киеве на Крещатике, три бойко торгующих магазина и недурной капиталец. Но, как известно, гусары за любовь денег не берут. И вообще это отдельная история...

К тому же в киевском жандармском управлении Белозерову настоятельно посоветовали немедленно уехать и поселиться от греха подальше где-нибудь еще, – уж очень император изволил разгневаться. Что тут поделаешь? О сломанной военной карьере Сергей Васильевич жалеть себе запретил, – гордость не позволяла. А вот родная казарма, конный строй и остро поблескивающие пашки в сильных руках боевых товарищей по ночам снились, да еще как... Главное же, – не было никакого понимания, как жить дальше и чем заниматься.

Город Васильков и Киевскую губернию он покинул и вернулся в родное село Непрядвино Тамбовской губернии, где на сельском погосте уже лет пять как упокоились отец с матерью – местные помещики из небогатых. Старшая сестра Варвара, конечно, брату была рада. Однако в ее ветшающем доме с утра до ночи куролесил пьющий горькую муж, да по пыльному тесному двору бесперечь, наперегонки с утятами и цыплятами, мельтешили племянники и племянницы – пять сорванцов мал-мала меньше. В общем, не жизнь... И затосковал бы Сергей Васильевич, когда бы не умная сестра.

Как-то вечером присела она рядом с невеселым братцем, укрутила керосиновую лампу (экономить приходилось на всем) и спросила, помнит ли он Кирилла Иваныча, двоюродного отцовского брата. Их, стало быть, двоюродного дядю. Сергей честно признался, что почти забывал. Сестра объяснила, что забывал совершенно зря. Потому что Кирилл Иваныч делал большую карьеру, служит в Питере у самого Победоносцева, и обер-прокурор Святейшего синода очень его жалуется.

– Кирилл Иваныч, Сереженька, хоть и в хорошие чины вышел, да родню помнит, – рассказывала Варвара, опершись подбородком на ладонь. – В прошлом годе письмо прислал, расспрашивал, как живем, не надо ли чего. Хотела ему сдуру пожаловаться, что достаток уж больно мал, да, слава богу, передумала. У него, чай, своих забот хватает. А теперь вот две недели назад написала ему. Так, мол, и так, племянник ваш двоюродный Сережа Белозеров оказался не у дел. Все ему расписала: что ты в отставку подал из гордости своей заодно с товарищами, что голова и сила в тебе есть, что образование получил военное и нельзя ли тебя куда-нибудь устроить. Все же не чужой ты ему.

– И что? – спросил слегка обалдевший от неожиданности Сергей.

– А вот что... – С этими словами она достала из-под кофты узкий белый конверт. – Сегодня днем нарочный с уезда привез. Я у него и в квитанции расписалась. Говорю же тебе, большой человек стал Кирилл Иваныч. Читай, про тебя там...

Сергей машинально взял согретый на сестриной груди конверт, вынул исписанные листы плотной веленовой бумаги палевого оттенка. Однако... Семьдесят копеек за пачку, не меньше, – Феодора Спиридоновна для заказчиков такую же специально выписывала из столицы, а туда везли из Германии. Сверху конверта было написано «*Варваре Васильевне Ключиной, в собственный дом в селе Непрядвино Тамбовской губернии*». Внизу значилось «*К. И. Ладейников, присутствие Святейшего Правительствующего Синода, Сенатская площадь, Санкт-Петербург*». Почерк был крупный, острый, твердый. Невольно сглотнув, Сергей развернул письмо и приступил к чтению.

«Здравствуй, Варвара, – писал Кирилл Иванович. – Весточку твою получить был рад. А вот за Сергея не радуюсь. Я про него все знаю, скандал вышел изрядный. Сплошная дурость, и ничего более. Выступать против министра – статочное ли дело? Хорошо или плохо придумано в части смены мундиров и переименования полков – не Сергеева ума это дело. Его дело служить Отечеству, а не бунтовать. Если каждый обер-офицер начнет характер высказы-

вать, этак никаких устоев не хватит. Государь изволил разгневаться, а значит, на дальнейшей службе можно ставить полный крест...»

Сергей крепко потер лоб. Насчет креста он и сам понимал, дядя просто подтвердил его догадку. И что теперь? В хлебопашцы идти?

«Тем не менее я тут насчет него подумал и, может быть, что-то сумею подыскать, – писал Кирилл Иванович. – Пусть приезжает ко мне в столицу. Я каждый день, кроме воскресенья, в присутствии, с десяти утра и до четырех вечера. Есть ли у него деньги на дорогу? Прилагаю пятьдесят рублей. Дай ему прочитать это письмо, пусть не теряет времени. Жду через неделю, не позже. Может понадобится.»

Теперь о тебе. Навел я справки в вашей губернской управе и выяснил, что муж твой Семен Гордеевич крепко пьет и не хочет заниматься никаким делом. Это плохо. Прилагаю для него специальную записку. Передай, не распечатывая. Пусть почитает, авось за ум возьмется. А коли нет, коли продолжит пьянствовать и, паче того, станет на тебя и детей руку поднимать, упеку так, что мало не покажется.

Скучаю по нашим местам. Большие двадцати лет не был – пролетели в трудах и не заметил, как. Если получится, в конце года приеду в Непрядвино, отеческим могилам поклонюсь. И к Василию с Павлиной непременно наведаюсь. Ваши с Сергеем отец и мать мне как родные были, сама знаешь. А еще прилагаю сто рублей для тебя. Ты в Павлину удалась, – гордая, для себя ничего не попросишь. Живется же тебе, догадываюсь, несладко. И деньги в хозяйстве пригодятся.

На этом заканчиваю. Жду Сергея в столице. Деток от меня обними и отцу Никодиму кланяйся, если жив еще, – помню его хорошо. Пусть напишет, что ему для церкви надо. Помогу.

Твой дядя...»

Далее следовала витиеватая начальственная подпись.

Ай да Кирилл Иванович...

Судя по письму, карьера у дяди и впрямь задалась. Ведь привычка распоряжаться людьми и деньгами свойственна персонам высокопоставленным. Вновь перечитав послание, Сергей отметил властный тон и категорические характеристики, сквозь которые, впрочем, пробивались родственные нотки. И если действительный статский советник Ладейников озаботится судьбой двоюродного племянника, то фортуна к отставнику очень даже может повернуться лицом. Вот бы, а?..

Пока Сергей собирался с мыслями, Варвара достала из кармана кофты и аккуратно выложила на стол маленькую стопку десятирублевых ассигнаций.

– Это тебе на дорогу от Кирилла Иваныча, – напомнила она.

Сергей решительно замотал головой. Министерство с бывшим гусаром рассчиталось сполна. Выплатили и за должность, и за звание, и кормовые, и квартирные... Расстались хоть и плохо, но по-честному. Так что карман пока что не пустовал. А вот Варваре деньги нужны самой. Для деревни пятьдесят рублей даже не деньги – деньжищи. Маняшу с Дуняшей приоденет, Даньке букварь с картинками справит, Петьке с Ванькой игрушек прикупит... Себе новое платье-другое сообразит. Нестарая же еще, сестра-то, в девушках просто красавицей была, веселая и заводная. Сколько женихов пороги обивали... Где это все теперь? Ходит в темном и ношеном, горбится, лицо до срока покрылось морщинами. Правда, с таким мужем что ж удивляться... Сергей жалеючи взял сестру за руку.

– Деньги, Варенька, оставь себе, – негромко сказал он. – У тебя вон пятеро по лавкам. До Санкт-Петербурга доберусь, а там будет видно. Ты мне лучше скажи, – добавил он, в замешательстве ероша усы, – зачем я могу дяде понадобится. Где Синод с церквями и где гусар? То есть поеду, само собой, надо чем-то заняться, но уж больно странно...

Варвара не стала спорить – убрала ассигнации. Благодарно погладила брата по русой голове. Вздыхнув и понизив голос, произнесла:

– Зачем и почему – тут я ничего тебе не скажу, не знаю. Только сдается мне, что дядя наш у Константина Петровича Победоносцева – человек доверенный. А Константин Петрович, сказывают, хоть и обер-прокурор Синода, но не только церквями занимается. Уж очень тесно к царю-батюшке приближен...

Глава вторая

Дядя Кирилл Иванович взлетел высоко. Видно это было прежде всего по огромному кабинету на втором этаже трехэтажного здания Синода на Сенатской площади. Бравый гусар Белозеров от такого простора слегка оторопел и невольно прикинул, что с десяток полковых лошадей в дядином кабинете разместились бы со всеми удобствами... А потолок, под которым и орел бы распахнул крылья! А массивный, темного дерева стол с монументальной чернильницей, метровыми стопками бумаг и большой настольной лампой с желтым абажуром! А величественный портрет государя-императора в полный рост за спиной действительного статского советника! Висевший сбоку на стене портрет Константина Петровича Победоносцева выглядел, конечно, поскромнее, однако тоже производил надлежащее впечатление.

Но разве дело только в кабинете? Дядя этому кабинету вполне соответствовал, вот в чем дело.

Когда сгорбленный от почтительности секретарь в вицмундире, привычно трепеща, сопровождал Сергея Васильевича в обитель государственного деятеля (и был отпущен легким движением руки), Белозеров позволил себе взглянуться в Кирилла Ивановича. Как истинный военный, умеющий с одного взгляда оценивать поле боя, Сергей убедился, что памятный по детским годам дядя сильно изменился. Он был по-прежнему высок, на размах плеч не жаловался и спину держал прямо, однако совершенно поседел и даже позволил себе несколько полысеть со лба. В выражении крупного, гладко выбритого лица чувствовалась толика усталости, но энергия в глазах не угасла, а рукопожатие, которым удостоил Сергея, было сильным.

– Ну, садись, племянничек, – бесстрастно сказал Кирилл Иванович, указывая на обитый черной кожей стул возле приставного стола, и уселся напротив. При этом он с усталым любопытством разглядывал Сергея. А как иначе, если уж лет пятнадцать не виделись, кабы не больше.

Вроде бы по первому впечатлению Сергей дядю не разочаровал. И то сказать, – готовился. Добравшись до Санкт-Петербурга, он прямо с вокзала взял извозчика, поселился в пристойных номерах «Русь великая» (четыре рубля в сутки за комнату на одного) и отправился на Невский проспект – приодеться и экипироваться. В столице Российской империи Белозеров был до этого лишь однажды, по службе и коротко, однако ничуть не растерялся, – в Киеве за три года службы бывал часто, а Киев город сам по себе столичный, большой и густонаселенный.

Вечер, расторопно проведенный в лавках и магазинах Невского, прошел недаром. И теперь, сидя напротив Кирилла Ивановича, Сергей за внешность не переживал. С великолепием золоченого дядиного мундира, да еще украшенного знаками орденов, скромную серую визитку, разумеется, не сравнить. Но белоснежная сорочка была свежей и накрахмаленной, вишневый галстук повязан аккуратно, брюки со штрипками в тон визитке отутюжены, а черные штиблеты начищены до блеска. Само собой, в мундире, лосинах и сапогах Сергей ощущал бы себя намного вольготнее. Не зря ведь замечательно сказал сочинитель Козьма Прутков: «Хочешь быть красивым, поступи в гусары». Но уж тут как вышло, так и вышло...

– Хорош, – сказал наконец дядя с оттенком одобрения. Голос был густой, благозвучный. – Вылитый Василий, царствие твоему батюшке небесное. Добрый был брат и офицер храбрый... Как добрался? Устроился?

– Все хорошо, Кирилл Иванович, спасибо вам за помощь, – сдержанно и почтительно произнес Сергей. Про себя он решил, что обращаться к дяде пока что лучше официально. А там будет видно. Малейший оттенок родственной фамильярности сейчас был бы неуместен: уж слишком давно не виделись, и вообще...

– Как там Варвара поживает? Здоровы ли детки? – продолжал Кирилл Иванович.

Сергей только хмыкнул. Варвара-то с детками поживала неплохо. А вот шурина перед отъездом пришлось малость поучить – гусарским кулаком. Почуял, мерзавец, что у жены дядиными щедротами какие-то деньги появились, и попробовал наложить на них дрожащую от пьянства руку. Хорошо, что Сергей в тот момент еще не успел уехать...

– Значит, паскуднику рыло начистил? – сумрачно сказал Кирилл Иванович, выслушав короткий, но яркий рассказ Белозерова. – Это правильно, это хорошо... Не пошла ему впрок моя записка, стало быть. Ну, коли жену не ценит и продолжает скотствовать, тем хуже для него... Он что думал, я с ним шутки шутить буду?

Дядя позвонил в бронзовый колокольчик, и в проеме гигантской, мгновенно распахнувшейся двери возник давешний секретарь.

– Запиши-ка, Севостьян Владимирович, что завтра, в первой половине дня, надобно мне связаться с тамбовской полицейской управой, – велел Кирилл Иванович.

– Тему обозначить изволите?

– Надобно одного человечка в ум привести. Я тебе завтра отдельно продиктую... Да еще доложи в приемную Константина Петровича, что сейчас у меня нужная встреча. Там поймут.

Секретарь выпорхнул, бесшумно прикрыв высокую дубовую створку, а дядя, повернувшись к Сергею, задал совершенно неожиданный вопрос:

– Скажи-ка, племянник, ты еще рисовать не разучился?

Однако... Спроси Кирилл Иванович, не собирается ли племянник податься на службу в Эфиопию, Сергей удивился бы меньше.

Покойная матушка Павлина Александровна еще в девичестве превосходно рисовала. Родись мужчиной, стала бы прославленным живописцем, не иначе. Не бросила она этого занятия и впоследствии, быть может, находя в художественных упражнениях отдушину от супружеской рутины и сельской скуки. Помогала даже отцу Никодиму приводить в порядок старенькую церковь, подновляла библейские картинки на стенах и куполе, тайком добавляя в них что-то от себя. Почтенный священник не мог нарадоваться и ставил худенькую, живую, все успевающую Павлину Александровну в пример другим прихожанам.

Надо ли говорить, что к рисованию она старалась приучить и детей своих. Ну, с Варварой ничего не вышло. Не ее это было занятие, скучным казалось. А вот Сережка лет уже с пяти мог похоже нарисовать и человека, и дерево, и собаку. С годами увлечение живописью только росло. Отец злился и ворчал, что мать вместе с сыном одними красками, кистями и бумагой дом разорят. Но дело было, конечно, не в этом. Как-то раз отец в сердцах ткнул пальцем в сына, сосредоточенно рисовавшего на дворе красиво разросшиеся вишни, и резко сказал матери: «Испортила ты мне мальчишку. Ему дорога в кавалерию, на службу, а ты его к безделью приучила...» Десятилетний Сережка тогда просто не понял, с чего сыр-бор. О своей стезе служить отечеству и тем зарабатывать на жизнь он знал с пеленок, а рисование – это так, для души.

Все вышло по отцовскому слову. И... по матушкиному примеру. Училище, служба, казарма – все, как надлежит сыну заслуженного ветерана. Но и рисовать Сергей не бросил. Это было и увлечение, и – что греха таить – надежное средство заручиться симпатиями юных барышень, которые в Малороссии чудо как хороши. Всякая ли девица устоит, получив собственный портрет из рук пригожего гусарского поручика? Феодора Спиридоновна – и та не устояла, хоть и была уже отнюдь не девицей, а купеческой вдовой... Но это отдельная история.

Из живописи своей Белозеров, конечно, секрета не делал. Кстати, немало эскадронных товарищей получили от него на память быстрые карандашные зарисовки. Но как о детском увлечении не забыл дядя? И, главное, – почему вспомнил именно теперь?

Вероятно, Кирилл Иванович без труда прочитал на лице Сергея простодушное удивление и даже изволил по этому поводу улыбнуться. Хотя с ответом не торопил.

– Рисовать не разучился, Кирилл Иванович, и, говорят, рисуя недурно, – наконец сказал Сергей с некоторым даже вызовом.

– Ну да? Молодец, коли так. А вот мы сейчас проверим, проверим...

С этими словами Кирилл Иванович передал племяннику большой лист бумаги и толстый черный карандаш.

– Набросай-ка ты мне, Сергей Васильевич, такой, что ли, портрет, моего кабинета. Ну, там столы, стулья, стены... Чтобы все, как на ладони, и, главное, похоже. Справишься?

Сергей только пожал плечами.

– Отчего же нет, – сказал он спокойно. – Однако минут десять понадобится. Это ничего?

– А я тебя никуда не тороплю. Рисуи себе, а я, пока суд да дело, поработаю.

Вернувшись в кресло, Кирилл Иванович придвинул стопку документов и, кажется, ушел в них с головой. Но время от времени остро поглядывал в сторону Сергея.

Задача была не из сложных. Положив перед собой лист, Сергей сосредоточился и неторопливыми уверенными штрихами принялся создавать портрет сановного кабинета. Не забыл и дядю в кресле, склонившегося над бумагами. Время от времени закусывал карандаш, соображая, как лучше передать перспективу и объем предметов, игру тени и весеннего света, льющегося из-под тонкосуконных темно-коричневых штор. До того увлекся работой, что чуть не пропустил момент, когда в кабине зашел высокий худой человек в неброском штатском платье. Уловив краем глаза некое движение, Сергей повернул голову в сторону новой персоны и невольно вскочил на ноги. Окажись на нем в этот миг сапоги, щелкнул бы каблуками, право слово. Это же сам Победоносцев был, Константин Петрович. Обер-прокурор Святейшего синода. Член Комитета министров Российской империи.

В «Синодальных ведомостях» и в других крупных газетах Белозеров не раз видел портрет Победоносцева и теперь узнал его без труда. Ближайший советник императора производил впечатление сильное. Своей болезненной худобой он совершенно некстати наводил на мысль о Кощее Бессмертном. Зато аскетическим бледным лицом с тонкими губами и горящим взглядом глубоко посаженных глаз под стеклами очков Победоносцев напоминал раннехристианского подвижника, готового ради веры и убеждений ступить на костер. В целом же облик обер-прокурора, вкупе с его репутацией мудрого государственного мужа, внушал уважение пополам с невольным трепетом. Особенно, если учесть, что Константин Петрович зашел к дяде наверняка по его, Белозерова, поводу. Зачем бы иначе Кирилл Иванович передал Победоносцеву через секретаря, что сейчас у него идет «нужная встреча»? Вопросы два: нужная – кому? И для чего?

Обер-прокурор неторопливо подошел к застывшему по стойке «смирно» гусару.

– Здравствуйте, Сергей Васильевич, – прошелестел он. – Ну что тут у нас? Упражняетесь? И как успехи?

Ответное «здравствуйте» отчего-то застряло в горле. Сергей ограничился полупоклоном, после чего вручил готовый рисунок. Победоносцев принял работу сухими длинными пальцами и вцепился взглядом.

– Что скажешь, Кирилл Иванович? – спросил, не отвлекаясь от рисунка.

– По-моему, сделано хорошо, Константин Петрович, – сдержанно сказал дядя, на всякий случай кашлянув.

– Хорошо? Ошибаешься, мой друг, ошибаешься...

Сергея прошиб холодный пот, и невольная обида тоже прошибла. Рисунок удался, он чувствовал это. Какого же черта?..

– Нарисовано не просто хорошо – превосходно, – неожиданно сказал Победоносцев. – У вас несомненный талант, молодой человек. И в нашем деле это может пригодиться... Да вы присаживайтесь, поговорим немного.

– Слушаюсь, – глуповато сказал Сергей.

Победоносцев поморщился.

– Экий вы служака, право. Давайте-ка без чинов. Я вам в отцы гожусь, а дядя – это дядя... Просто поговорим.

Усевшись за приставной стол, Победоносцев задумчиво побарабанил пальцами по столешнице.

– Набедокурили вы, молодой человек, – строго сказал он вдруг.

– Это как же, ваше высокопревосходительство? – вскинулся Белозеров.

– Я же сказал – без чинов. Просто Константин Петрович... Напрасно вы подали прошение об отставке. Не могли же не понимать, что дело пахнет неповиновением. Когда не желает служить один, оно бы и ладно, дело личное. А когда все вместе – это сговор. Стало быть, умысел на дурное. Именно так это воспринял император. – Победоносцев кивнул в сторону портрета.

– А я, Константин Петрович, в стороне от боевых товарищей остаться не мог, – с дерзкой ноткой выпалил Белозеров. Дядя предостерегающе поерзал на стуле. – У гусар, уж не обессудьте, так не принято. За государя-императора и Отечество жизнь положим, когда понадобится, но глупость министерства терпеть не обязаны. И чтобы вы знали: между министром Ванновским и Его Величеством Александром Александровичем знака равенства никто не ставил! Так что не ищите бунта. В Киевском гусарском его нет! – Пригорюнившись, Белозеров добавил: – Да и Киевского гусарского теперь тоже нет...

Дядя задумчиво поерзал на стуле. Бескровные губы обер-прокурора раздвинулись в улыбке, обнажив по-молодому крепкие белые зубы. Возможно, фарфоровые.

– Вот и хорошо, что не бунт, – с оттенком иронии сказал он. – Иначе разговор с вами был бы иной, да и не здесь. Глупость простибельна, смутьянство наказуемо. Так-то, молодой человек.

Сергею в один миг сделалось жарко. Он резко поднялся.

– А я, ваше высокопревосходительство, себя глупцом не считаю, – сказал он, глядя Победоносцеву прямо в глаза. – Что сделал, то сделал. Хорошо ли, плохо ли, – Бог рассудит. И если военная карьера теперь закрыта, – ну что ж... В России дорог много. Авось на какой-то Родине еще послужу.

Дядя вновь заерзал – на сей раз одобрительно.

– А мне нравится твой племянник, Кирилл Иванович, – сказал вдруг Победоносцев. – Горяч, но не глуп. И мыслит правильно. А гонор, мне сдается, не от вредности – от молодости. А кто не был молод? Пожалуй, что и сгодится... Да вы садитесь, Сергей Васильевич, садитесь.

Растерявшийся Белозеров присел на край стула. До него дошло, что он осмелился спорить с человеком, которого называли правой рукой императора.

– Это вы хорошо сказали, что в России дорог много, – с неожиданной теплотой в негромком глуховатом голосе заговорил Победоносцев. – Главное, чтобы на каждой стоял человек, преданный императору и Отечеству. Я думаю, что вы – как раз такой человек. А дорогу для вас мы уже нашли. Все пригодится: и смекалка, и гусарская смелость, и талант рисовальщика. Кирилл Иванович вам расскажет и объяснит. – Он пристально посмотрел на окончательно потерявшегося Белозерова. – Выше голову, Сергей Васильевич! Коли с делом справитесь, вознаграждение будет изрядным, это я вам обещаю.

– А если не справлюсь? – спросил Белозеров машинально.

Победоносцев облил холодным взглядом.

– Нельзя не справиться, – сказал он, поднимаясь. – Я изучил ваш служебный формуляр. Если не врет, вы человек не только храбрый, но и настойчивый, сообразительный... Ну, прощайте. Кирилл Иванович, проводи меня...

Пожав руку обер-прокурора, Сергей минут на пять остался в кабинете один. Если не считать скачущих мыслей, разумеется. Отдышался. Вот у них как, в Питере-то... Сулят изрядно вознаграждение, а за что – бог весть. Однако ясно, что изрядное вознаграждение дается за

изрядную же работу... А Победоносцев-то, Победоносцев! Не поленился, – самолично изучил его, Белозерова, формуляр. Для чего бы это? Дела-а...

Вернулся дядя.

– Ну, племянничек, удивил ты Константина Петровича, – без обиняков сообщил он, потирая ладони.

– Это чем же?

– Да он уж и забыл, как с ним спорят... Ну, это ладно. Понравился ты ему, вот главное. Давай к делу. Хотя постой. Небось уж и проголодался?

Сергей нервно сглотнул слюну.

– Да, собственно, не отказался бы...

Дядя остановил жестом. Позвонил в колокольчик. Сказал возникшему на пороге секретарю:

– А распорядись-ка, Севостьян Владимирович, насчет обеда на двоих в комнату отдыха. Ну, там севрюжка, икорка, борщок, телячьи отбивные. И коньячок шустовский... Чтобы через полчаса подали.

Секретарь глазами выразил понимание. Исчез.

– Пока что поговорим, – сказал Кирилл Иванович уже другим тоном. – Надобно тебе, Сережа, в ближайшие дни выехать в Гатчину.

– Куда?!

– В Гатчину. Может, надолго.

– А что я там...

Чуть было не сказал: «А что я там забыл?» Вовремя спохватился:

– А что я там буду делать?

Кирилл Иванович поднялся и, заложив руки за спину, подошел к необъятному окну с видом на Сенатскую площадь.

– Пока что и сам толком не знаю, – сказал, не оборачиваясь. – Но происходит там что-то очень странное. И дай бог, чтобы не страшное...

Глава третья

Гатчина – место особое, знаменитое.

Бывший пригород Санкт-Петербурга указом императора Павла в конце прошлого века был преобразован в город. Еще цесаревичем полюбил Павел Петрович эти красивые тихие места, находил здесь покой и отдохновение, невозможные в суетной столице. Окруженная живописными лесами и озерами, Гатчина стала царской резиденцией, верно служившей суверенам из поколения в поколение.

Сердцем города конечно же был дворец в итальянском стиле, возведенный еще графом Орловым и перестроенный при Павле. Его опоясали прекрасные парки, над ландшафтом которых с любовью трудились лучшие российские мастера, – куда там Версалью! Но в отличие от выложенных версальских гатчинские парки изобиловали всевозможной дичью, и добычей царской охоты становились олени, лани, медведи, волки, лисицы. Били и птицу – тетеревов, фазанов, глухарей. В прозрачных озерах во множестве водились щуки, налимы, окуни, караси. Не удивительно, что увлекавшийся охотой и особенно рыбалкой Александр Третий так стремился в Гатчину, решительно предпочитая маленький город большому Санкт-Петербургу.

Но если император с семьей с первых же недель царствования практически поселился в Гатчине, то, конечно, отнюдь не только (и не столько) из-за местных красот и охотничьих радостей.

Что происходило? Казнь народовольцев-цареубийц и последовавший разгром их партии должен был бы успокоить двор и общество. Однако тень мученика Александра Второго, витавшая над головой наследника, вызвала к осторожности. О подготовке очередных покушений в столице говорили как о неизбежном. Петербургский обер-полицмейстер Баранов еженедельно докладывал, что напал на след новых террористических групп, и если берега Невы пока не огласились еще более мощными взрывами, то лишь благодаря его, Баранова, усердию.

Менее всего великана Александра можно было бы назвать трусом. Цесаревичем он прошел турецкую кампанию и пулям не кланялся. Но сейчас речь шла об опасности совершенно особого рода. Что станет с Россией, коли, не приведет господь, она лишится второго подряд самодержца? Устоит ли? Как сложится судьба самодержавия? И возможно ли обеспечить августейшую безопасность в столице? Одно из покушений на отца произошло как раз в Зимнем дворце... Александр напряженно размышлял об этом и склонялся к мысли, что не время теперь демонстрировать присущее ему спокойное мужество. Ну что ж... В битвах порой приходится отступать на заранее подготовленные оборонительные редуты.

Таким редутом в сражении с народовольцами для императора и его семьи стала Гатчина.

Тяготившийся дворцовым официозом Александр ее любил. Маленький уютный город в статусе царской резиденции, щедро снабжавшийся из казны, шел в ногу со временем. Здесь были водопровод, канализация и телефон, дворцовую площадь освещали электрические фонари со «свечами Яблочкова», между столицей и Гатчиной бодро сновали паровозы. Работали полотняный и стекольный заводы, солдатский госпиталь и аптеки, трактиры и торговые конторы, гимназии и храмы – от православных до лютеранских. Городок жил чинно, спокойно, размеренно. Степенная публика неторопливо прогуливалась по чистым улицам, мужчины раскланивались с дамами, городовые козыряли прохожим. Дивный, дивный уголок Российской империи... Даже не верилось, что в каких-то сорока верстах бурлит нервно живущая столица с ее заботами, проблемами и, пуще того, угрозами.

Однако дворцовый комендант генерал Черевин оставался начеку. Охрана дворца была организована по наивысшему разряду. Хозяина земли Русской денно и ночно берегли сотни солдат, кирасиров и полицейских. Вместе с тем выражение «гатчинский затворник» по отношению к Александру было не вполне справедливо. Он время от времени выезжал в Санкт-

Петербург и губернии, бывал за границей, отдыхал в Ливадии. И все же именно Гатчина стала императорской штаб-квартирой, в которой Александр ежедневно трудился по десять-двенадцать часов в сутки. Министры с докладами, фельдъегеря с корреспонденцией, европейские послы с верительными грамотами – все спешили сюда. Крохотная точка на российской карте вдруг превратилось в центр принятия решений, определявших ход событий в бескрайней империи и далеко за ее пределами. Вот так – ни больше ни меньше.

Согласитесь: в интересное место направили отставного гусарского поручика Сергея Васильевича Белозерова...

Сергей прибыл в Гатчину по железной дороге. Стоял замечательный майский день – ясный и теплый. Маленькое красивое здание вокзала выглядело по-домашнему уютным. Высокие клены и тополя, обступившие станцию, гостеприимно шелестели нарождающейся листвой. Сойдя на перрон и с удовольствием вдохнув чистейший воздух, Сергей жестом подозвал носильщика в длинном фартуке.

– Поднеси-ка, любезный, до извозчика, – распорядился он, позевывая.

Дюжий парень подхватил чемодан с объемистым саквояжем и устремился вперед, с любопытством поглядывая на Сергея. Человек как человек, вид барский, штроблеты с пуговками и костюм в клетку, а большую сумку не отдал, – повесил через плечо и сам надрывается... Откуда ж было знать носильщику, что новенький дорогой мольберт Сергей не доверил бы никому.

Сгрузив багаж в коляску и получив пару монет, парень ушел, а Белозеров уселся на мягкое сиденье.

– Куда едем, барин? – спросил извозчик, поигрывая кнутом.

– А вот ты мне сейчас и скажешь куда...

– Это как?

– А вот так. Я на отдых приехал. Поживу здесь месяц, может, и два. Где бы мне снять жилье? Приличное, само собой? Ты же местный – подскажи, не обижу.

Извозчик почесал окладистую бороду.

– Дачу, что ли? – спросил он.

– Да нет. Хотелось бы в городской черте. Я, любезный, художник, – буду город ваш рисовать. А на природу при случае и так съезжу.

Извозчик сдвинул картуз на лоб и задумался.

– Дык ить оно как... Ежели приличное, да в городе, – стало быть, надо в посад.

– Годится, – согласился Белозеров. – А в посаде что?

Выяснилось, что Гатчинский посад – это своего рода внутригородской поселок, в котором живут дворцовые служители. Люди сплошь солидные, и дома хорошие, справные. Кое-кто не прочь увеличить доходы, сдавая жилье внаем. Вот, например, вдова царского егеря Авдотья Семеновна Печенкина. Там, правда, и цены кусаются...

– Вези к Авдотье Семеновне, – распорядился Белозеров. – А с ценами разберемся.

Под мерный цокот копыт по булыжнику мостовой он рассеянно смотрел по сторонам и напряженно думал о своем, что, впрочем, не мешало машинально фиксировать присутствие на городских улицах хорошеньких женщин. По первому впечатлению, их в Гатчине хватало. Это неплохо. Но сейчас не главное...

Вот уже три дня Сергей пребывал в состоянии полной внутренней растерянности – состояние для военного, да еще гусара, нехарактерное. Кирилл Иванович с Победоносцевым озадачили по самую маковку, но это полбеды. Мало ли какие задачи ставили ему по службе, особенно во время маневров... Беда в том, что дядино поручение живо напомнило народную сказку «Поди туда, не знаю куда, и принеси то, не знаю что». Откровенно говоря, тревогу вышших инстанций Сергей не разделял. Рассуждая философически, мир велик, странности в нем нет-нет, да и случаются, и надо ли так переживать из-за происшествий с ефрейтором Морд-

виновым... Однако очевидно, что в непонятном деле дядя с обер-прокурором видели зерно угрозы – неясной и оттого особенно пугающей. Сергею предстояло подтвердить или, напротив, развеять их опасения. Вот только как?..

Разумеется, можно было бы отказаться. Да чего там – очень хотелось, особенно после реплики Победоносцева насчет того, что не справиться с заданием нельзя. Просто не взялся за исполнение – и все. К чему упавшая с неба ответственность за исход более чем сомнительного дела?.. Однако ясно, что Кирилл Иванович за Сергея перед Победоносцевым поручился, а подводить дядю вовсе не хотелось. Да и мысль о вознаграждении в случае успеха (пусть и пряталась на задворках сознания) внушала некоторый энтузиазм. В итоге бывший гусар махнул рукой и, поступив в полном соответствии со знаменитой фразой Наполеона: «Надо ввязаться в бой, а там будет видно», – согласился. И не исключено, что на свою голову...

Извозчик не соврал. Гатчинский посад и впрямь смотрелся отдельным поселком в городской черте, отличавшимся архитектурой и планировкой маленьких улиц. Узкая мостовая пролегла меж добротных одно-двухэтажных домов с деревянными ставнями и резными наличниками. Чувствовалось, что живут здесь люди почтенные, небедные. Это Сергея вполне устраивало. Удобный постой для гусара – дело наипервейшее.

Коляска остановилась возле каменного дома, обнесенного забором в человеческий рост.
– Приехали, – сообщил извозчик.

Резво соскочив с облучка, он постучал в калитку и что-то принялся бубнить вышедшей на стук девушке. Сергей посмотрел на часы, извлеченные из жилетного кармашка. Вся поездка от станции до посада не заняла и двадцати минут. Вот уж правда, что Гатчина – город маленький. Ну и хорошо. Тем легче будет изучить его вдоль и поперек. Как бы дело ни сложилось, без этого все равно не обойдется.

Девушка ушла в дом и, вскоре вернувшись, широко распахнула калитку.

– Заходите, – пригласила она. Голос был приятный, мелодичный.

Сергей велел извозчику подождать (неизвестно, столкнутся ли с хозяйкой?) и пошел вслед за девушкой. Они пересекли просторный двор с тенистыми деревьями, в глубине которого виднелся небольшой флигель. Зашли в дом.

Авдотья Семеновна Печенкина встретила неожиданного гостя в гостиной, сидя у стола, крытого белой скатертью. Это была немолодая, лет за пятьдесят, женщина в теле. Судя по тяжелому властному лицу с правильными чертами, когда-то она была хороша. «Вдова царского егеря», – вспомнил Сергей и снял фуражку.

– Добрый день, сударыня, Позвольте представиться: отставной поручик Белозеров Сергей Васильевич. Прибыл в ваш город по собственным делам, – отчеканил он, кланяясь.

– Доброе утро, сударь, – низким грудным голосом откликнулась хозяйка. Одним взглядом оценила внешность гусара, его щегольский вид. – Присаживайтесь. Чем обязана?

– Видите ли, – проникновенно заговорил Белозеров, усаживаясь на мягкий стул, – по выходе в отставку увлекся я рисованием. Приехал сюда на этюды. Места у вас тут живописнейшие, парки замечательные, архитектура самобытная. Хочу пожить месяц-другой, поработать. Стало быть, нужно где-то остановиться. А мне подсказали, что вы сдаете жилье...

Он замолчал, выжидательно глядя на Печенкину. Та величественно кивнула:

– Сдаю, отчего же не сдать. Только уж не знаю, устроит ли. У нас тут все по-простому, скромно...

Сергей немедленно заверил хозяйку, что как бывший военный привык к спартанскому образу жизни, да и вообще неприхотлив. При этом он невольно вспомнил мягкие перины и ломящийся от снеди стол в доме Феодоры Спиридоновны. Внутренне вздохнул.

Выяснилось, что госпожа Печенкина имеет предложить Белозерову флигель во дворе. Флигель невелик, две комнаты и прихожая, зато удобен, и жилец, располагая собственным ключом от калитки, будет совершенно свободен в образе жизни и передвижениях. Это Сергея

вполне устраивало. Устроила в общем-то и цена – пятьдесят рублей в месяц со столом или двадцать пять, если питаться на стороне. Дороговато, конечно, однако деньги у Сергея были. Дядя снабдил пятьюстами рублями из какого-то специального фонда и наказал по возвращении написать отчет. «Зря не транжирь, но и не скупердяйничай. Понадобится – передам еще, – внушительно сказал он. – Лишь бы дело было».

– Завтраки, обеды и ужины будут приносить прямо во флигель, – продолжала хозяйка. – Если какие-то трапезы надумаете совершать в городе или в гостях, я посчитаю и до отъезда деньги верну, не сомневайтесь. Только предупреждайте заранее... И уж коли вы хотите задержаться на месяц-другой, надо вам, сударь, зайти в участок и отметиться. У нас такие правила. Сами понимаете, Гатчина – место государево, за порядком и приезжими следят строго. Вам-то ничего, приехали-уехали, а меня могут оштрафовать.

Сергей пообещал завтра же уладить все формальности.

Разговор был прерван самым неожиданным образом. Раздался стук в дверь, и не успела Печенкина раскрыть рот, чтобы сказать: «Войдите», – как неожиданный гость уже вошел. Точнее, вбежал. А уж если совсем откровенно, то ворвался. Это был маленький кругленький человек, фонтанирующий энергией. Казалось, энергию излучает даже лысина, блестящая, как с душой начищенный сапог. Заплывшие глазки на полном личике сияли неподдельной радостью.

– Мое почтение, Авдотья Семеновна! – звонко воскликнул он. Галстук сбился набок, ботинки запылились... сплошной порыв и движение, а не человек.

– Здравствуй, Михаил Данилович, – ворчливо сказала хозяйка. – Влетел, как на пожар... Случилось что?

– Случилось, – выпалил гость-колобок, по-свойски усаживаясь без приглашения и расстегивая пиджак. На Сергея не было обращено ни малейшего внимания. – Час назад узнал, что днями в город прибывает знаменитый французский ясновидец мсье Дюваль. Будет выступать в клубе. Представляешь?

– Ну, представляю. И что?

Михаил Данилович уставился на хозяйку с неподдельным изумлением.

– Да как это «что»? Я берусь затащить его к нам в общество. Он тут специальный сеанс ясновидения устроит. Весь город будет говорить, и мигаловцам фитиля вставим, а? Каково?

Тут уж и хозяйка заволновалась. Разрумянилась даже.

– Замечательная придумано! – с неожиданной горячностью сказала она. – Экий ты, право, умница, Михаил Данилович... А получится затащить-то?

– Получится, – солидно сказал колобок, поправляя сбившийся воротничок рубашки. – У меня в редакции только что был его импресарио. Наш, русский, Фалалеев некто. Как водится, приехал раньше патрона: афиши напечатать, объявление в газете дать... Тут меня что-то изнутри толкнуло. Э-э, думаю, всех денег не заработаешь. Извольте, говорю ему, я ваше объявление напечатаю бесплатно, и не на четверть страницы, а на треть. Но только уж и вы обещайте, что мсье Дюваль выкроит вечер, чтобы навестить наше общество, поговорить, показать свое искусство... Фалалеев, вестимо, доволен, что денег платить не надо. Словом, договорились, – скромно закончил колобок, поднимаясь.

Хозяйка, не вставая, перекрестила его.

– Настоящий молодец, Михаил Данилович, дай Бог тебе здоровья, – истово сказала она. – Большое дело сделал. Наши-то как обрадуются... Да ты убегаешь уже, что ли? А чаю выпить?

– Некогда, матушка, нынче номер в типографию везу... А это кто? – спросил вдруг Михаил Данилович, снизу вверх уставившись на Белозерова.

Бесцеремонность человечка Сергея скорее развеселила, нежели раздосадовала. Он сделал полупоклон и представился.

– Жилец Авдотьи Семеновны? Художник? Это замечательно, – пылко сказал колобок. – Поэты у нас есть, певцы, композиторы, а вот художника ни одного... Воля твоя, Авдотья Семе-

новна, только я бы пригласил его к нам на месяц-другой, пока жить здесь будет. Для разнообразия. Чем плохо, а?

– Подумаю, – рассеянно сказала хозяйка. Похоже, все ее мысли были уже впереди, с месье Дювалем.

Проводив взглядом Михаила Даниловича (убежал столь же резво, сколь и вбежал), Сергей повернулся к Печенкиной.

– О каком, собственно, обществе идет речь, Авдотья Семеновна? – деликатно осведомился он.

Хозяйка приосанилась.

– У нас тут, Сергей Васильевич, уж два года как сложился такой, что ли, музыкально-литературный кружок... – значительно произнесла она.

Не прошло и пяти минут, как Белозеров уяснил диспозицию. Лучшие люди Гатчины, воодушевленные близким присутствием монарха и не чуждые современным веяниям, начали создавать в городе некое подобие великосветских салонов. Собирались, музицировали, читали свои и чужие стихи, танцевали, обсуждали городские сплетни. Ну, естественно, выпивали и закусывали. Один из таких салонов собрала вокруг себя Авдотья Семеновна – дама авторитетная и с положением. Он считался в городе наиболее модным. С ним отчаянно конкурировало общество, сплоченное нежной рукой Татьяны Филимоновны Мигаловой, чей муж, надворный советник, служил в столице по Министерству финансов и бывал в Гатчине наездами. Борьба за лидерство шла нешуточная, и появился шанс нанести мигаловцам решающий удар, используя в качестве тарана месье Дюваля. Михаил же Данилович Девяткин был хозяином и редактором газеты «Гатчинская мысль», а также одним из отцов-основателей общества, штаб-квартирой которого служил дом госпожи Печенкиной...

– Коли надумаете, сударь, буду рада пригласить вас на ближайшее заседание, – строго закончила Авдотья Семеновна, поправляя седой локон. – Может, к тому времени успеете что-нибудь нарисовать, покажете нам. С художниками у нас беда, никто не увлекается...

– Почту за честь, – откликнулся Белозеров. Почему бы и нет, собственно? Участие в таком салоне – вполне естественный способ натурализоваться в городе, где (он этого не исключал) пожить придется, придется...

Вернулись к делу. Хозяйка предложила осмотреть место постоя.

– Настенька, ты где? Поди сюда! – громко позвала она.

Вошла давешняя девушка.

– Проводи-ка ты, золото мое, Сергея Васильевича во флигель, – распорядилась Печенкина. – Он у нас поживет, если понравится. Надобно ему все показать, объяснить.

Девушка кивнула.

– Пойдемте, сударь, – сказала она.

Флигель Сергею пришелся по душе. Как всякий военный, привыкший к казарменному быту, он особенно ценил уют. В глаза первым делом бросались порядок и чистота. В одной комнате располагалась спальня с широкой металлической кроватью, украшенной горкой подушек, и ночным столиком. Другая комната, побольше, выглядела кабинетом, – возможно, из-за письменного стола с керосиновой лампой под зеленым абажуром. Стену украшали цветные литографии, над столом висела книжная полка с несколькими томиками. Присутствовал также чулан с умывальником и нужным стулом.

– Годится, – решительно сказал гусар хозяйке, после чего деньги за месяц вперед были внесены, и расписка получена.

Оставалось забрать саквояж с чемоданом у заждавшегося извозчика, отдав ему честно заработанный рубль с полтиною.

Разложив вещи и предупредив хозяйку, что уходит гулять с расчетом пообедать в городе, Сергей не торопясь вышел за ворота.

– Извините, сударь, не подскажете ли, как найти трактир Варгина? – спросил он у прохожего.

– Идите прямо, сударь, – приветливо откликнулся тот. – Третий переулок направо, там увидите. Минуток десять ходу, если не торопиться.

Раскланялись и разошлись.

Трактир Варгина считался старейшим, открытым еще при Павле заведением Гатчины и кухней своей был широко известен. Впрочем, предвкушение обеда не мешало Сергею с любопытством оглядываться по сторонам. Гатчина дышала майским теплом и покоем. Городок утопал в зелени и этим живо напоминал утраченный Киев. Глаз художника сам собой схватывал разноцветные вывески контор и магазинов, золоченый купол православного храма, расположенный поодаль парк с искрящимся на солнце синим зеркалом пруда. Водная синь, древесная зелень и небесная голубизна... Красиво-то как, Господи! Вдруг остро захотелось плюнуть на порученное дело, взять мольберт, кисти с красками и просто рисовать – рисовать до сладостного изнеможения... Сергей вздохнул и прибавил шаг.

Ввиду обеденного часа в общем зале трактира было довольнолюдно и шумно. В громкий говор влетался звон бокалов, ножи и вилки звучно стучали по тарелкам. Воздух загустел от ароматов кухни и табачного дыма. Сергей, морщась, окликнул пологого.

– А что, братец, нет ли у вас отдельного кабинета? – спросил он.

Половой внимательно посмотрел на Белозерова.

– Есть, как не быть, – ответил с широкой улыбкой. – Да только там уже сидит господин, обед заказал. Ежели согласны устроиться на двоих...

– Согласен, согласен. Все не в общем зале уши мозолить.

Парень отвел Сергея на второй этаж и предупредительно распахнул дверь кабинета. В небольшой комнате за накрытым столом сидел широкоплечий мужчина лет сорока в добротном коричневом костюме. Он явно скучал и меланхолически разглаживал белоснежную салфетку.

– Сударь, не будете возражать, если к вам еще один господин присоединится? – спросил пологовой с полупоклоном.

– Не буду, – столь же меланхолически ответил мужчина. – Однако больше никого не надо. Этак уже не отдельный кабинет получится, а общий зал. Верно я говорю, сударь?

– Абсолютно так, – согласился Сергей, усаживаясь за стол.

Приняв заказ, пологовой удалился, а мужчина повернулся к Белозерову и негромко сказал:

– С приездом, Сергей Васильевич. Как добрались?

– Спасибо, все хорошо, Иван Николаевич.

– Ну, вот и познакомились, – сказал мужчина, с улыбкой пожимая Белозерову руку.

Одетый в штатское платье подполковник Болотин был помощником гатчинского дворцового коменданта генерала Черевина и доверенным человеком обер-прокурора Победоносцева.

Глава четвертая

Ефрейтор Мордвинов прослужил уже пятнадцать лет и заслуженно считался образцовым солдатом. Ротный командир всегда ставил его в пример всем прочим: надежен, крепок, исполнительен, с оружием на «ты». Сводногвардейская рота, в которой нес службу Мордвинов, охраняла Гатчинский дворец вместе с кирасирами, кавалеристами и полицейскими, и государь, делая смотр войскам, не раз поощрительно хлопал по плечу ефрейтора, который статью и ростом не уступал ему самому.

Месяц назад Мордвинов сошел с ума.

Однажды ночью он вдруг вскочил с кровати и в одном белье принялся бегать по казарме. При этом он вопил что-то невнятное и крушил все, что попадалось под руку. Дежурному, хотевшему его урезонить, одним ударом свернул скулу. Озверело отбивался от сослуживцев, которые сообразили, что дело плохо, и начали вязать буйного. А когда наконец одолели, все рвался из рук, истошно крича со слезами одно-единственное слово: «Государь, государь!..» Потом сомлел. В госпиталь увезли в бессознательном состоянии, по сей день там и пребывает.

В полку с горьким недоумением пытались понять, отчего Мордвинов рехнулся. Ясно, что для этого требовались весьма серьезные причины, но что именно произошло? Может, горе какое внезапное? Да нет, не было никакого горя. Ефрейтор отличался спокойным нравом и рассудительностью и вообще всегда пребывал в ровном настроении. Может, письмо из родных мест пришло с дурными вестями? Но не получал он за последнее время никаких писем. Может, кто-то притеснял по службе и довел до психического расстройства? Ну, это вообще курам на смех. Кто же старослужащего, да еще образцово-показательного, будет притеснять? И уж вовсе непонятно, почему Мордвинов в безумии все звал государя... В общем, домашнее расследование зашло в тупик.

– А с докторами разговаривали? – спросил Сергей, с интересом слушавший Болотина. – Они как-то помешательство Мордвинова объясняют?

– Руками разводят, – неприязненно сказал Болотин, отрезая кусок свиной котлеты. – Мол, выраженных причин нет, а вообще-то человеческая психика по сей день темный лес, и случиться с человеком может всякое... Коновалы. Этак-то и я могу объяснить...

– Ясно, – задумчиво сказал Сергей, хотя ясности не было ни на грош. – Ну а с Семенцовым что?

– С Семенцовым, пожалуй, что и похлеще... Тут уж я сам свидетелем оказался. Случилось через неделю после Мордвинова, как раз было мое дежурство по дворцу. Вдруг прибегает разводящий и зовет в караульное помещение: мол, рядовому Семенцову плохо... Спускаюсь вниз, вижу: сидит парень на скамье, винтовку отставил, голову руками обхватил. Что с тобой, братец, спрашиваю. Тот поднял голову, взглянул, и стало мне не по себе. Глаза пустые, мутью затянутые. Молчит и дышит так тяжело, словно версту в полной выкладке пробежал... Кладу ему руку на плечо. Сейчас доктора позовем, говорю. А он вдруг вскакивает и кидается на меня. Рычит, как дикарь, изо рта пена. Чуть не задушил, мерзавец, вдвоем оттаскивали... Опять же в госпиталь.

Тут уж генерал совсем забеспокоился и велел провести расследование. Шутка ли: второй случай за считанные дни... Может, в роду какие-то болезни были? Непохоже. Взводный клянется, что парень всегда был здоров как бык. Про него говорили, добродушный, мол, и покладистый, а тут взял, да и озверел. Опять-таки, буквально за три или четыре дня до припадка Семенцов со своим взводом проходил медицинский осмотр в местном госпитале. Мордвинов, кстати, тоже. У нас с этим строго, дворец охраняют отборные части, так что раз в полгода на комиссию шагом марш. Заметьте, никаких отклонений у обоих доктора не выявили. И вдруг

– на тебе... В общем, плохо. Два случая за короткое время – это уже почти эпидемия. А как, не дай бог, случится третий? Четвертый, пятый?

– Ну уж эпидемия... – пробормотал Сергей. – Что краски-то сгущать, Иван Николаевич? Болотин отставил тарелку и с тоской посмотрел на Белозерова.

– Вам легко говорить, – негромко произнес он. – А вы поставьте себя на место Черевина. Мордвинов с Семенцовым не просто солдаты. Они приставлены охранять августейшую особу. Они с оружием либо при персоне самодержца, либо поблизости. Страшно подумать, что будет, если рядом с императором окажется вооруженный безумец. Тут, батенька, и народовольцев не надо... Поверите ли, службу теперь несем, как на иголках.

Махнув рукой, он залпом выпил рюмку коньяку. Белозеров машинально последовал его примеру.

Простившись с Болотиным и покинув трактир, Сергей неторопливо побрел домой. Желудок переваривал сытный обед, а сознание – тревожный рассказ подполковника. Только теперь бывший гусар по-настоящему осознал меру испуга, охватившего Победоносцева с дядей.

Умопомешательство лиц, защищающих самодержца, – происшествие столь же экстраординарное, сколь и опасное. Тут обсуждать нечего, все и так ясно. Неясно другое: он-то, Сергей, что может сделать? Чем помочь?

Идея послать в Гатчину толкового человека со стороны принадлежала Победоносцеву. Найти подходящую персону он поручил своей правой руке Ладейникову. Тут очень кстати Кирилл Иванович получил письмо от Варвары с описанием братниных перипетий, и таким-то образом судьба Сергея определилась, – по крайней мере, на ближайшее время.

Откровенно говоря, дядя сформулировал задачу Белозерову не очень-то отчетливо. Весьма приблизительно представлял ее и Победоносцев. Тот просто отказывался верить, что двойное сумасшествие в охранном полку, – дело случая. По его мысли, в Гатчине появилось нечто такое, что вызывает у людей безумие, причем среди людей, призванных с оружием в руках беречь императора. Некое обстоятельство... «Вот пусть наш человек хоть всю Гатчину перевернет, а злое обстоятельство сыщет, – втолковывал обер-прокурор дяде. – Сатанинских лап или человеческих рук это обстоятельство, мне все равно. Лишь бы сыскать. Иначе не будет России покоя ни днем ни ночью...»

Тут самое время спросить: а почему, собственно, Константин Петрович, так близко к сердцу принял проблему, которая, очевидно, была либо медицинской, либо криминальной? Вроде бы Синод занимается совсем другими темами... Но такое рассуждение было бы справедливо лишь на непосвященный взгляд.

Как государственный деятель, обер-прокурор ужасался при одной мысли о новом царевубийстве и его последствиях для России. Как приближенный к Александру человек и даже в некотором роде его воспитатель, Константин Петрович питал к императору отеческую привязанность и не жалел сил, чтобы обеспечить безопасность венценосного воспитанника. Степень же влияния Победоносцева на помазанника Божьего была столь велика, что с высочайшего согласия обер-прокурор смело вторгался в сферы, формально с деятельностью Синода никак не связанные. И потому обережение императорской фамилии от всяческих угроз и покушений как первостепенная государственная задача мало-помалу стало прерогативой Константина Петровича. Точнее, он добровольно взвалил на себя этот крест и нес его, вникая в мельчайшие детали гатчинского бытия.

«Это я понимаю, – сказал Сергей дяде. – Но вот почему не привлечь к дознанию полицию, жандармов? Люди опытные, разберутся что к чему...» – «Разберутся, как же, – ядовито сказал дядя. – Много они помогли, когда императора взорвали, царствие небесное? Опять же, Баранов этот...» – «А что Баранов?» Выяснилось, что петербургский обер-полицмейстер Баранов, так рьяно борющийся с остатками «Народной воли», борьбу эту вел исключительно

на бумаге да на словах, в чем и был уличен. Понятно, что позорная отставка полицмейстера доверия к полиции не прибавила. А если учесть, что Константин Петрович не раз публично выражал скепсис в отношении деятельности Министерства внутренних дел и корпуса жандармов, и главы сих почтенных ведомств не могли ему этого простить... Словом, рассчитывать на сотрудничество не приходилось вообще и на помощь в гатчинской поездке Сергея в частности.

Впрочем, там было на кого опереться и без полиции. Победоносцев поддерживал тесные отношения с дворцовым комендантом генералом Черевиным и его помощником подполковником Болотиным. Именно Черевин поднял тревогу после необъяснимого случая с Мордвиновым. После происшествия с Семенцовым тревога усилилась почти до уровня паники. Секретной депешей обер-прокурор обязал генерала оказывать Белозерову любое содействие, которое потребуется для выполнения миссии. Оставалось понять, как эту миссию выполнить.

Дядины инструкции носили сверхобщий характер. «Будь самим собой, – внушал он Сергею. – Ты отставной поручик, увлекающийся рисованием и приехавший в красивый город на этюды. Тут ничего придумывать не надо. Вот и рисуй! Ходи по Гатчине с мольбертом, побольше общайся с людьми, разговаривай о жизни, о местных событиях... Авось какие-то интересные сведения проскользнут и что-то пригодится для разбирательства, для понимания ситуации... В общем, в свободном полете». Сергей тут же заметил, что, судя по его военному опыту, стрелять в белый свет, как в копеечку, – дело неблагодарное, почти наверняка промажешь. И в поисках на «авось» на успех рассчитывать трудно.

Дядя вздохнул: «Ты поучи меня, поучи... А то я без тебя не знаю, что искать придется иголку в стоге сена. Только прав Константин Петрович: из ничего ничего и не бывает. Что-то там есть, в Гатчине, что-то непонятное...» – «Бациллы безумия, что ли, появились?» – «Чушь. Тогда бы в городе началась эпидемия. Да и нет в природе таких бацилл, уточняли». – «Тогда что?» – «Вот ты и выяснишь, – почти ласково сказал дядя. – И еще... Если на двух этих случаях дело закончится, ну и ладно. Перекрестились да забыли. Но если в ближайшее время появятся новые случаи... Словом, смотри в оба, держи уши открытыми, крути головой во все стороны. Ты разведчик. И думай, думай. Скорее всего, причина настолько необычная, что простому воображению недоступна. А у тебя ум живой, творческий, художник как-никак...»

– Сударь, купите газету! Свежий номер, сейчас только из типографии!

Задумавшись, Белозеров не заметил, как к нему подбежал мальчишка с холщовой сумкой через плечо, битком набитой газетами. То был сегодняшний выпуск «Гатчинской мысли». Сергей вспомнил энергичного кругленького редактора и, усмехнувшись, дал мальчонке монету. Присел на ближайшую скамейку под развесистым вязом, зашуршал бумажными, остро пахнущими типографской краской листами. Так...

Судя по содержанию, «Гатчинская мысль» была рупором местных либеральных кругов. Полицмейстера Сытина, к примеру, бичевали за недостаточный пригляд за подчиненными. Городовой Огурцов, доставляя в участок подвыпившего подмастерья Лаптева, посмел назвать того «пьяной мордой», чем оскорбил самосознание рабочего человека. Не менее смелым было письмо в редакцию присяжного поверенного Веревкина. «Не пора ли пересмотреть график вывоза бытовых отходов и чаще опорожнять городские мусорные урны?» – рубил тот сплеча, обращаясь к градоначальнику Топоркову. Журналист Попов надрывно писал про облупившийся фасад местного госпиталя, каковое облупление неблагоприятно сказывается на самочувствии больных и говорит о небрежении гатчинской власти к внешнему виду городских помещений... В общем, над газетой витал слабый, но ощутимый дух вольтерьянства.

Была и литературная рубрика. Внутренне хихикая, Сергей одолел прочувственное стихотворение, подписанное инициалами «М. Д.»:

Поникшая роза, усталая роза...
Земной твой закончился путь.

Увяла в постылых объятьях мороза,
Прощально легла мне на грудь.
В саду, побелевшем от снежной глазури,
Надолго умолк соловей.
Увядшая роза, сквозь вьюги и бури
Мне память о лете навей...

Служа в Киеве, он в альбомы барышень писал стихи поинтереснее. Да еще сопровождал быстрыми рисунками...

В рубрике «Светская жизнь» внимание привлекла заметка «Именитый гость». *«Как известно, в ближайшие дни Гатчину посетит с выступлениями прославленный ясновидец месье Дюваль из Парижа, – писал автор. – Кроме демонстрации своего таланта в городском клубе месье Дюваль обещался посетить литературно-музыкальный кружок, собирающийся по вторникам и пятницам у г-жи Печенкиной. Участников кружка, равно как и посетителей клуба, ждут захватывающие сеансы ясновидения».*

Ну, тут все ясно. В беспощадной борьбе с мигаловцами Девяткин всю использует «Гатчинскую мысль», пропагандируя свое общество. А что, хозяин – барин... К заметке было подверстано крупное рекламное объявление с портретом месье Дюваля. С газетного листа знаменитый француз пронзительно смотрел на Сергея большими глазами навывкате. Было в его взгляде что-то тревожное, потустороннее.

Белозеров со вздохом свернул номер, сунул в карман пиджака и побрел домой. Мелькнула странная мысль: пожалуй, месье Дюваль с его метафизическим талантом в гатчинских происшествиях разобрался бы. Вот бы с кем посоветоваться...

Глава пятая

Назавтра утром хозяйка самолично принесла во флигель завтрак и, пока Сергей умывался, расставила на столе кофейник, сливки, французские булочки, тарелку с яйцами.

Поинтересовалась:

– Ну, как вам тут у нас? Нравится ли?

– Замечательный город, – искренне сказал Сергей, расчесывая усы. – Красиво, зелено, спокойно, архитектура такая, что рисуй не хочу. Аж глаза разбегаются, с чего начать.

– Начните с Приоратского дворца, – посоветовала Авдотья Семеновна. – Второго такого во всей России не сыщешь.

– Это почему же?

– Потому что земляной.

– Как так земляной? – удивился Сергей и даже отвлекся от подставки с яйцом.

– Да уж так. Есть глинобитные постройки, а эта землебитная. Брали суглинок, пропитывали известковым раствором и получался материал не хуже кирпича. Его в конце прошлого века специально построили, когда император Павел стал гроссмейстером Мальтийского ордена. Думал, рыцари сюда потянутся, обоснуются во дворце, целое приорство для них учредил. А те дальше Петербурга так и не сунулись. Ну, не очень-то и хотелось... Как спалось?

Спалось без задних ног, о чем Сергей и доложил. Не помешали даже наступившие белые ночи. Как говаривал командир эскадрона, спать надо в любых условиях, ибо не выспаться всегда успеешь.

– Ну и славно, – довольно откликнулась Печенкина. – Я что еще хотела сказать... Завтра к семи вечера прошу пожаловать к нам на заседание общества. Представлю членам кружка, а главное – приедет французский ясновидец.

– Месье Дюваль?

– Он самый. Говорят, и будущее предсказывает, и чужие мысли читать горазд. Представляете, какой фурор? – Она плотоядно потерла большие руки в перстнях. – Мигалова лопнет от зависти. И плакать не станем!

«Мне бы твои заботы», – подумал Сергей.

Пообещав непременно быть, он проводил хозяйку, быстро позавтракал и начал собираться. «Можно и Приоратский дворец, – размышлял он. – А можно и другой дворец – главный. Так сказать, поближе к месту событий. Поставить мольберт где-нибудь на площади напротив парадных дверей, взять палитру...» Он поймал себя на мысли, что рассуждает так, словно главной целью приезда в Гатчину была не скрытая разведка, а художественные экзерциции. Смотреть в оба, держать уши открытыми, крутить головой во все стороны – вот его задача. Все прочее лишь маскировка, и заняться любимым рисованием всерьез придется как-нибудь в другой раз. Ах, как жаль! Он успел уже ощутить прелесть Гатчины, безусловно достойную кисти.

Ладно, к делу. Важно с чего-то начать. И начать надо с логических размышлений. Без логики в любом расследовании никуда, это Сергей, прочитавший кучу детективных романов, знал точно. Хоть сержант Кафф из «Лунного камня» англичанина Коллинза, хоть бравый Лекок из книг француза Габорио, хоть сыщик-любитель Дюпен из рассказов американца По – каждый умел строить умозаключения, которые вели к раскрытию очередной кровавой загадки.

А вот он, Белозеров, не умеет, надо это признать. Военная служба, при всех бесспорных достоинствах, приучает скорее к исполнению чужих распоряжений, нежели к полету собственной мысли. Однако человек далеко не глупый, Сергей мыслить никогда не боялся, а сейчас к тому же испытывал своего рода азарт перед мозговым штурмом.

Итак...

Императора охраняют сотни солдат. А внезапное, необъяснимое безумие разбило только двоих. Причем все солдаты живут в одинаковых условиях: служба по уставу, казарма, построения на плацу, чистка оружия, стояние в карауле и так далее. Спрашивается: чем эти двое, Мордвинов и Семенцов, отличаются от всех прочих? Именно отличаются? Ведь если внешние условия у всех одни и те же, причину сумасшествия надо искать в самих безумцах.

Состояние здоровья здесь, вероятнее всего, не при чем. Болотин упомянул, что незадолго до беды оба солдата прошли очередной медосмотр в местном госпитале (надо полагать, в том самом, с облупившимся фасадом). Врачи, натурально, сущие коновалы, и все-таки, заметив что-то необычное, уж отреагировали бы. К тому же бывший поручик был наслышан, как тщательно отбирают личный состав императорских частей. И здоровьем, и статью, и рассудком новобранцы должны отвечать самым высоким требованиям... Нет, медицинскую версию можно отбросить, по крайней мере пока. А какая взамен?

Предположим, с Мордвиновым и Семенцовым что-то случилось. Хотя почему «предположим»? Непременно случилось нечто, давшее толчок безумию. Не может человек рехнуться на ровном месте... Где и когда? Ясно, что не в казарме – тут все на виду, любое происшествие заметили бы. Может быть, в увольнении? Допустим, гуляет Мордвинов по городу с увольнительной запиской в кармане, жует себе яблоко или там пирожок с капустой и вдруг видит что-то невероятно страшное, просто ужасное. Ну, к примеру, привидение. Или дикого зверя, намеренного полакомиться ефрейторским телом. Или еще что-нибудь кошмарное...

С кофейной чашкой в руке Сергей подошел к открытому окну и раздраженно выглянул в сад. У него было ощущение, что он тычет пальцем в небо. Чушь несусветная, а не версия. Откуда на тихих гатчинских улицах взяться привидению, дикому зверю или какой-то иной страсти-мордасти? Опять же: случись такое (невероятное!), Мордвинов там же и кукарекнулся бы, не дожидаясь возвращения в казарму и отхода ко сну. И уж менее всего стал бы взывать к государю...

Стоп.

Яблоко. Или пирожок с капустой.

От внезапной догадки Сергея бросило в жар. А если предположить, что Мордвинова (а спустя несколько дней и Семенцова) некто угостил чем-то съестным, в которое намешал сводящее с ума снадобье? Или, скажем, предложил махорку с той же начинкой? Но такое могло случиться только на службе – в казарме, на плацу, в караульном помещении, в курилке. А коли так, то угощал кто-то из своих, – солдат, унтер или офицер. Кто же еще попадет на служебную территорию? Опять же из чужих рук угощение, как правило, не берут. Но если догадка верна, выходит, во взводе или в роте действует злоумышленник. Возможно, злоумышленники...

С недовязанным галстуком Сергей сел за стол, сжал голову руками и, ероша пшеничную шевелюру, невидящим взглядом уставился в окно. Ну, ничего себе, додумался... Хотя версия отравления выглядела гораздо правдоподобнее, чем призрак за углом или тигр в подворотне. Надобно обсудить ее с Болотиным. И, может быть, общими усилиями разобраться, кто и с какой целью травил солдат.

Деликатный стук в дверь прервал процесс дедуктирования.

– Войдите, – недовольно сказал Сергей, отвлекаясь от размышлений.

Вошла прислуга, которая накануне показывала ему флигель. Кажется, Авдотья Семеновна назвала ее Настенькой.

– Бабушка велела убрать посуду, – тихо сказала девушка.

«Бабушка»? Стало быть, не прислуга. Скорее бедная родственница, живущая в доме и помогающая по хозяйству. Какая-нибудь внучатая племянница или что-то в этом роде.

– Убирайте, – разрешил Сергей. – Сейчас только допью кофе...

Неожиданно он запнулся.

Как художник Белозеров хорошо знал, что один и тот же предмет может выглядеть совершенно по-разному. Это зависит от освещения, ракурса, порой настроения, с коим смотришь на вещь. И она, – вроде бы неказистая, – вдруг начинает играть красками, еще вчера незамеченными. С невольным удивлением спрашиваешь, где же были твои глаза?!

Давеча Сергей за разговорами да изучением флигеля не обратил на девушку никакого внимания. А она, оказывается, внимания была достойна, и даже очень.

Возможно, ее нельзя было назвать красавицей в полном смысле слова. Иной педант считал бы, что линия носа недостаточно совершенна, а шея чересчур длинна, и форма худеньких плеч пока далека от женственной округлости. Но большие карие глаза светились добротой и умом, нежный овал лица с хрупким подбородком просился на полотно живописца. Темные волосы, без затей собранные в пучок и отброшенные на спину, не скрывали маленьких розовых ушей, с любовью вылепленных Природой. Простое льняное платье светло-синего цвета выгодно облегло изящную фигурку. Настенька была прелестна, как бывает прелестна юность на пороге расцвета, и Сергей с трудом заставил себя отвести чересчур пристальный взгляд. Машинально выпятил грудь, мимолетно пожалев, что не в гусарском мундире теперь, а в пиджаке... Отставить! Пиджак-то висит на стуле, а он сам в расстегнутом жилете, по-домашнему, да еще недовязанный галстук на шее болтается. Конфуз...

– Прошу извинить, мадемуазель, за некоторую вольность в одежде, – сдавленно сказал Сергей, одной рукой застегивая жилет и другой сдирая пиджак со стула. – Не ожидал визита...

Настенька с улыбкой посмотрела на суетящегося жильца.

– Ничего, сударь («Сергей Васильевич», – торопливо подсказал Белозеров). У нас тут не Петербург, тут все попросту. Если вам дома удобнее в жилете, так и ходите в жилете, никакой обиды в том нет.

– Давайте я вам помогу, Настасья...

– Петровна. Да вы не беспокойтесь, я уж сама. – Она проворно собрала посуду на поднос и с интересом, снизу вверх, посмотрела на Белозерова. – А вы, Сергей Васильевич, художник?

Расправив плечи, Сергей скромно кивнул.

– Некоторым образом, да. Наслышан о красоте гатчинских мест и выбрался к вам на этюды. Буду рисовать парки, здания, людей... Хотите, вас нарисую?

Последние слова вырвались как-то сами собой, и Сергей невольно покраснел, однако девушка лишь улыбнулась.

– Спасибо, конечно, только что во мне интересного? Вы лучше бабушку нарисуйте. Ей уже пятьдесят два года, а ее ни разу никто не рисовал, – добавила она, доверительно понизив голос.

Сергей подумал, что замена неравноценная, и если Авдотья Семеновна прожила без собственного портрета полвека, то прекрасно обойдется без него и впредь. Однако вынужден был пообещать, что нарисует. С этой девушкой хотелось соглашаться во всем.

Настенька удалилась, оставив Белозерову полный разброд в мыслях. Дедуктировать совершенно расхотелось. Однако, возвращаясь к делу, надо было встретиться с Болотиным и обсудить версию об отравлениях.

Накануне, обедая с подполковником, они договорились о способе связи. Проще всего, конечно, было бы дойти до почтового отделения и телефонировать во дворец. Однако на весь город насчитывалось едва ли три десятка номеров, так что факт разговора заезжего художника с помощником дворцового коменданта неминуемо стал бы известным и мог вызвать к Сергею досужий интерес. Поэтому Болотин предложил иной способ. На Бомбардирской улице держал табачную лавку отставной унтер Гриценко, которому подполковник доверял. Одиноким отставником частенько навещал товарищей по службе, и в караульные помещения по старой памяти его беспрепятственно пускали. Таким образом, передать Болотину от Сергея записку или что-нибудь на словах через Гриценко было нетрудно. Для экстренной же связи, если вдруг пона-

добится, договорились использовать телеграммы с любым нейтральным содержанием, благо почта в Гатчине работала исправно.

Гриценко оказался пожилым кряжистым малороссом с вислыми усами и крупным носом в красных прожилках, указывающих на пристрастие бывшего унтера к горячительным напиткам. В лавке было безлюдно. Представившись, Сергей спросил папиросы «Дюшес» и передал для Болотина записку с просьбой завтра вместе пообедать в трактире Варгина. Сегодняшний день он решил посвятить знакомству с городом и живописи.

– Нынче же отнесу, – коротко сказал Гриценко. – А папиросы-то возьмите.

Ругнув себя за рассеянность, Сергей вернулся к прилавку и взял коробку. Положительно, образ Настеньки, засевший в голове, путал все мысли.

Выйдя на улицу, Белозеров побрел куда глаза глядят. Утро выдалось на славу, и уже было бы жарко, если бы не легкий освежающий ветер, игравший полами пиджака. В стеклах домов повсюду резвились яркие солнечные блики, бездонную синеву неба оттеняли кипенно-белые облака, молодая листва шелестела совершенно умиротворяющим образом. Пожалуй, так хорошо и спокойно Сергей не чувствовал себя с прошлой весны, когда проводил офицерский отпуск в доме Феодоры Спиридоновны. Славный выдался отпуск, и рисовалось от души, вот только однажды ночью молодая вдова впервые намекнула, что неплохо бы им пожениться...

Свернув налево, Сергей вышел на улицу Купеческую. В полном соответствии с названием первые этажи домов по обеим сторонам мостовой были увешены торговыми вывесками. Чем тут только не торговали! Одеждой и обувью, мясом и винами, скобяными изделиями и тканями, чаем и кофе...

Молодая дама в элегантной шляпке буквально тащила немолодого спутника в ювелирную лавку, а тот, вытирая пот с лица, слегка упирался. Мальчонка в матросской шапочке с хныканьем тыкал пальцем в витрину с игрушками, хотя родители делали вид, что ничего интересного там нет. Юноша студенческого вида остановился у книжной лавки и жадно разглядывал фолианты, во множестве выставленные за стеклом... Словом, на Купеческой улице кипела жизнь – разноголосая, многоликая, пестрая. У Сергея мелькнула мысль, не поработать ли тут. Но по тротуарам в обоих направлениях фланировала публика, и пристроиться с мольбертом, увывы, было совершенно негде.

Он медленно шел вперед, с любопытством читая многочисленные вывески, когда неожиданно в уши ворвался испуганный женский вопль. Кричала дама, буквально вылетевшая из дверей суконной лавки. Споткнувшись, она чуть не упала, и Сергей едва успел ее подхватить.

– Вы не ушиблись, сударыня? – спросил он, придерживая даму за талию. – Что случилось?

– Там, там... – потрясенно лепетала женщина, указывая на витрину лавки. Шляпка где-то потерялась, волосы растрепались.

– Да что там-то? – прикрикнул Сергей и даже слегка встряхнул даму, чтобы привести в чувство.

– Выбирала себе сукно на пальто, а он... ну, приказчик... вдруг закричал и кинулся на меня. Как не придушил, не пойму... Ну, я с испуга вцепилась ему в глаза, он меня отпустил и схватился за лицо. Я бегом на улицу, а тут вы... Господи, ужас какой!

Дама в полуобморочном состоянии склонилась на грудь Сергея.

Из распахнутых дверей лавки раздался звук сильного удара, сопровождаемый сухим треском, – словно ломали доску.

Вокруг них уже собрались люди. Передав женщину на попечение ближайшему зеваке, Сергей решительно зашел внутрь. Ситуация ему что-то напоминала и, мало сказать, не нравилась. Требовалось разобраться.

С первого взгляда стало ясно, что дама ничего не преувеличила. В лавке царил разгром. Пол устилали полуразвернутые штуки сукна. Под ногами хрустела вдребезги разбитая посуда. Ножи разломанного стула валялись вдали от сиденья.

Посреди разгрома лихорадочно приплясывал на месте и дико озирался нестарый крепкий человек в плисовой поддевке и сапогах, с окладистой бородой на расцарапанном багровом лице (эк дама постаралась-то...). Расхристанная сатиновая рубашка обнажала широкую грудь, поросшую густым волосом, в котором совершенно терялся медный крестик. Налитые кровью глаза угрожающе уставились на Белозерова.

– Ты бы, братец, успокоился, – мирно предложил Сергей, снимая с плеча и аккуратно ставя к стене сумку с мольбертом. – Что это ты, право? Женщину испугал, беспорядок учинил... Нехорошо.

– Убью! – заревел приказчик.

По-бычьи склонив голову, он с пеной у рта ринулся на Сергея. Тот был готов и встретил нападающего прямым правой в челюсть. Примерно так же недавно пришлось поучить непутевого зятя, только сейчас удар был не в пример сильнее, аж кулак отбил. Челюсть явственно хрустнула. По идее, приказчик должен был бы лишиться не только зубов, но и чувств, однако не тут-то было. Свалившись на пол, он с утробным рычанием быстро, как ни в чем не бывало, вскочил на ноги.

– Пошутили и будет, – сердито сказал Сергей, потирая ушибленный кулак. – Охлонись, Аника-воин, зашибу ведь...

Харкнув кровью с крошками зубов, приказчик неожиданно схватил с прилавка большие ножницы для резки сукна. Ого! А шутки-то кончились, подумал Сергей, остро жалея, что нет у него в руке привычной сабли. Эткими зарезать – пара пустяков...

Он отскочил в сторону и успел перехватить руку с нацеленными в грудь ножницами. Резко и сильно вывернув за спину, дернул вверх так, что затрещала кость. Приказчик страшно закричал... да и хрен с ним: на войне как на войне. Завершая разгром противника, Сергей крюком, со всего размаха, ударил снизу в подбородок. И навалился на рухнувшее, конвульсивно вздрагивающее тело.

В лавке между тем скопились люди, испуганно созерцавшие поединок. Расталкивая публику, ворвались два городских. Они быстро связали валявшегося без сознания приказчика.

– Ну и дела, – хрипло сказал один. – Что это с Пентюхиным? Всегда тихий, спокойный, почти и не пьет. Опять же семейный, пятеро по лавкам... Все погромил, на людей кидался. Какая муха его укусила?

– Разберемся, – отрезал другой, постарше, вытирая пот со лба, изрубленного морщинами. Обращаясь к Сергею, он уважительно добавил: – Молодцом, сударь! Если б не вы, он бы тут таких дел наворотил... А вы, наверное, приезжий? В первый раз вижу.

Сергей коротко представился. Внутри нехорошо ныло, – организм запоздало реагировал на пережитую опасность. Ведь не перехвати он руку с ножницами...

– Возможно, понадобится взять показания, – продолжал городской. – Где вас найти-то?

– В Гатчинском посаде. Остановился в доме вдовы Печенкиной. Буду здесь недель несколько.

– Ну и хорошо. Поклон Авдотье Семеновне. Скажите, от Гусакова, она вспомнит.

В лавку вбежал прилично одетый господин. Он с ходу принялся заламывать руки и невнятно вопить. Судя по лицу, искаженному отчаянием, это был хозяин лавки, мгновенно оценивший меру ущерба. Его жалобный крик: «Я разорен!..» – догадку подкрепил.

Пообещав Гусакову передать поклон, Сергей подобрал сумку с мольбертом и, провожаемый восхищенными репликами зевак, вышел на улицу. Присел на первую же попавшуюся скамейку, закурил, сильно затягиваясь. Перед глазами все еще стояло перекошенное лицо Пентюхина с выпученными глазами. Теперь, когда горячка драки схлынула, Сергей уже и не рад

был, что так крепко отделал приказчика. А впрочем, выбора не было, да и не о том сейчас речь, совсем не о том.

В голове молотом стучала мысль: что ж получается? Полку́ гатчинских безумцев при-
было?..

Глава шестая

В маленькой Гатчине новости разлетаются мгновенно, и, конечно, Болотин о вчерашнем происшествии уже все знал.

– Вы у нас теперь герой, Сергей Васильевич, – обрадовал он Белозерова, пожимая руку. – В городе только и разговоров, что приезжий художник самоотверженно скрутил сумасшедшего. Тот уже с ножом за людьми гонялся, чуть до смертоубийства не дошло.

Сергей только отмахнулся.

– Нашли героя... И вообще ерунда какая-то. Не с ножом был Пентюхин, а с ножницами. И ни за кем он не гонялся, все случилось внутри лавки. Придумают черт-те что...

– А это уже неважно, – возразил Болотин с вымученной улыбкой. – Нож там или ножницы, не суть. Назвали героем, так терпите.

О своей внезапной славе Сергей уже знал. Утром хозяйка, подавая завтрак, с величественной улыбкой назвала храбрецом (так и сказала: «Да вы, Сергей Васильевич, храбрец!») и напомнила, что вечером непременно ждет на заседание общества. А Настенька, убирая посуду, смотрела на бывшего поручика так, словно поселился в скромном флигеле по меньшей мере Добрыня Никитич, что, разумеется, приятно щекотнуло самолюбие и даже отвлекло от мрачных мыслей, хотя и ненадолго...

Время перевалило за полдень. В ожидании обеда они с Болотиным сидели в отдельном кабинете трактира и обсуждали драму в суконной лавке. Сергей подробно рассказал о вчерашней сцене. Поведал и свою версию насчет отравления солдат.

Подполковник задумался, поглаживая темные усы в отметилах седины. Худое лицо с крупным носом, решительным подбородком и вертикальными складками на щеках выглядело озабоченным, осунувшимся. Сергей с невольной жалостью представил, какой груз ответственности свалился теперь на Черевина с Болотиным, и внутренне поежился. Чины, звания – это все хорошо; он и сам еще недавно мечтал о большой карьере, не сознавая в полной мере, что даром ничего не дается. А ведь высокий полет забирает и силы, и нервы, и здоровье, и – главное – нормальную жизнь с ее радостями и удовольствиями. Стоит ли овчинка выделки? Для кого как. Дядя, например, свой выбор сделал и, кажется, доволен...

– Ну что сказать, Сергей Васильевич? Не в обиду, мысль насчет отравления неудачная, – наконец веско произнес Болотин. – Личный состав мы знаем назубок, злоумышленников среди солдат и офицеров нет. Есть у нас служба, которая занимается негласной проверкой людей на предмет благонадежности. (А то бывший поручик о существовании таких служб в частях не знал.) Представить, что кто-то из своих с непонятной целью угостил Мордвинова или Семенова отравой, от которой сходят с ума, никакой фантазии не хватит.

Сергей дернул плечом.

– Ну, моей-то хватило... Впрочем, не настаиваю.

– И правильно делаете, – добродушно подхватил Болотин. – Версия ваша несостоятельна еще и потому, что не учитывает сумасшествие Пентюхина.

– Так вы считаете, что этот случай как-то связан с двумя предыдущими? – быстро спросил Сергей, сам думавший о том же.

– И рад бы не считать, но вот такая штука...

Разговор прервал половой с большим подносом, на котором в окружении холодных закусок высился графинчик коньяку.

– Я в дворцовой охране уж восемь лет служу, – продолжал Болотин, как только они остались вдвоем. – Гатчину знаю, как свои пять пальцев, и горожан знаю. С вашей хозяйкой Авдотьей Семеновной, кстати, через ее покойного мужа тоже знаком... В городе жизнь спокойная, размеренная, люди все больше степенные и состоятельные. – Разлив по рюмкам, он вдруг

наклонился к Сергею: – И никогда, понимаете ли, никогда здесь такого не было! Естественно, люди и тут болеют. У кого ревматизм, у кого грыжа, а кого и кондрашка хватит. Но сумасшествие? Ни одного случая не припомню. Тут просто не из-за чего сходить с ума. И если все-таки за короткий срок сразу троих скрутило безумие, это уж точно не случайность. И наверняка все три случая как-то взаимосвязаны, – убежденно закончил он.

– Но как? Два военных и один штатский... Разная жизнь, разные условия. Что между ними общего?

– Не знаю, – отрезал Болотин. – Поверите ли, от всяких догадок сам вот-вот рехнусь. Додумался до того, что вдруг никакие они не безумцы, а просто одержимы бесом...

Сергей откинулся на спинку стула и внимательно посмотрел на визави.

– Вы это серьезно? – тревожно спросил он.

– Нет, конечно, – ответил Болотин с болезненной гримасой. – Сегодня ночью не спалось, ворочался с боку на бок, и этакий бред в голову пришел. Утром бреюсь, смотрю на себя в зеркало – так поверите ли, самому стыдно. Говорю же, голова кипит...

Замолчав, он помазал кусок буженины хреном, положил на ломоть черного хлеба и принялся угрюмо жевать. Сергей последовал его примеру. Молча же выпили по рюмке, а там и стерляжья уха подоспела – наваристая, янтарная. Тарелки опустели быстро. Готовили у Варгина хорошо и, как выяснилось, дурное настроение аппетиту не помеха.

– Хуже всего, что нет в наших случаях никакой логики, – заговорил Болотин, вытирая губы салфеткой. – А коли нет логики, то нет и понимания, чего еще ждать. И от кого. Не знаешь, с какого бока щит подставлять. Нынче утром генерал телефоновал обер-прокурору, доложил о новом происшествии. Константин Петрович обеспокоился чрезвычайно. Он также считает, что у всех случаев единая причина. Приказал удвоить бдительность и эту самую причину из-под земли достать. Велел передать, что рассчитывает на вас, на ваш ум и наблюдательность.

– Вот спасибо, – пробормотал Сергей. И трех дней в Гатчине не прожил, а уже раз десять пожалел, что не отказался от поручения, которое непонятно как исполнять. Набросал вчера у пруда пару этюдов, – вот и вся радость. Но разве его сюда послали за этим?

Сергей чувствовал себя не в своей тарелке. Энергичная натура отставного гусара, привыкшего скакать, нападать и рубить сплеча, требовала решительных действий. А с действиями в Гатчине было туго. Сидеть за обедом с Болотиным и обмениваться умозрительными версиями, болтать с хозяйкой и Настенькой, фланировать с мольбертом на плече – это не действия. Это убиение времени. Вот разве набил морду рехнувшемуся приказчику, так то случайно вышло, да и не велика доблесть. Одна радость, – дело общественно полезное... Сергей задумчиво вздохнул и пшеничный чуб.

– Вот что, Иван Николаевич, так у нас ни черта не получится, – заявил он.

– Так – это как?

– Да вот так... Гадать на кофейной гуще можно до морковкина заговенья. Надо действовать!

– Хм... Ну, допустим. А что вы предлагаете? – спросил Болотин, закуривая длинную папиросу.

– Надо хотя бы попытаться понять природу этого безумия.

– Но каким образом?

– Самым простым. Я должен встретиться с кем-то из них. С Мордвиновым, например. Встретиться и поговорить. Может, расскажет, что с ним случилось, почему мозги съехали набекрень, – пояснил Сергей.

Болотин даже помотал головой.

– Голубчик, Мордвинов же в психическом отделении госпиталя, – молвил он проникновенно. – Остальные двое, кстати, тоже. Вы как туда попасть намерены? На каком основании?

Или у вас врачебный диплом за пазухой? Я уж молчу, что вряд ли помешанный сможет объяснить причину собственного помешательства. Это вообще курам на смех.

– Не попробуешь – не узнаешь, – отрезал Сергей. – А насчет основания... Вы начальника госпиталя знаете?

– Ивана Трофимовича? Знаю, конечно. И что?

– А вот поговорите с ним. Скажите, мол, приехал из провинции дальний родственник, художник. Случайно узнал, что одного из солдат недавно разбило сумасшествие и загорелся нарисовать лицо безумца, глаза... Это, кстати, в самом деле чертовски интересно. Нельзя ли на часок пропустить в палату – неофициально, само собой. А я уж отблагодарю. Пожертвование сделаю на госпиталь или просто приглашу отужинать в хорошем месте – разберемся... Ну что, договоритесь?

Подполковник задумался, поскреб затылок.

– Не скучно с вами, – наконец сказал он со вздохом. – Ладно, попробую договориться. Мысль настолько бредовая, что аж интересно.

Сергей ухмыльнулся.

– Вроде бы нынче ночью тоже кто-то бредил. Бесовское одержание и вообще, – напомнил он.

Болотин нахмурился и укоризненно покачал головой.

– Да, друзья! Не перевелись еще на Руси истинные мужчины, способные защитить общественный порядок и спасти даму! Сергей Васильевич не только обезвредил безумца, но и буквально вырвал из его лап всем нам известную Лидию Евлампиевну Сахарович! Я подробно пишу об этом в сегодняшнем номере своей газеты. Предлагаю тост за гостя и временного участника нашего сообщества господина Белозерова!

Бокал редактора «Гатчинской мысли» Девяткина, шипя шампанским, звонко ударился о бокал Сергея. Остальные бокалы охотно присоединились. Авдотья Семеновна с гордостью смотрела на жильца, словно сама его родила, воспитала и благословила на подвиг.

Сергей мог бы сказать, что никто госпожу Сахарович не спасал, что она сама преотлично себя спасла, изукрасив рожу приказчика длинными ногтями... А смысл? Болотин совершенно справедливо заметил: назвали героем, так терпи.

Благородное собрание заседало в просторной гостиной дома Печенкиной. В одном углу стоял массивный стол с винами и закусками, другой был занят черным роялем. У стен, оклеенных пестрыми обоями, притулились стулья с вычурными изогнутыми спинками. Пол устилал цветастый, порядком вытертый бухарский ковер. Подоконники высоких окон трогательно оккупировали горшочки с геранью. Обстановка была не слишком богатая, но домашняя, располагавшая к доверительному общению.

Как рассказала Настенька, встречи участников литературно-музыкального кружка обычно проходили по вторникам и пятницам с семи до десяти вчера. Порой засиживались и допоздна, обсуждая сплетни или споря о высокой политике. Практиковали фуршеты, для чего ежемесячно сдавали Авдотье Семеновне по семи рублей на персону. Взносом хозяйки был кров и приготовление закусок.

На заседание кружка Белозеров собирался с любопытством. Служа в Киеве, хаживал он в свободное от службы время по приглашениям в разные салоны. Когда один, когда с Феодорой Спиридоновной. Купеческая вдова в свое время выпорхнула замуж из дворянского гнезда, так что кое-какие связи сохранились. В салонах читали чужие и собственные стихи, пели романсы, болтали обо всем на свете, – и все это Сергею, в общем, было не слишком интересно. Однако в обществе случались танцы под шампанское, а хорошенькие девушки млели от гусарского мундира, не говоря уже об умении статного гусара быстро набросать эскизный портрет в заветном девичьем альбоме. Таким образом, Белозеров пользовался успехом и вообще не скучал.

Путем наблюдений Сергей усвоил, что в каждом салоне существует более-менее постоянный набор персонажей. Хотя интеллигенты собираются, хоть дворяне, хоть купцы, а некие типажи присутствуют непременно и независимо от общественного положения собравшихся.

Всегда есть меланхолик а-ля Чайльд Гарольд с отрешенным, тоскующим взором. Найдется флегматик, который, подпирая стену, зевает, лениво смотрит на публику и, кажется, сам себя спрашивает, за каким чертом он здесь появился. Присутствует вольнодумец, собирающий вокруг себя небольшой кружок восторженных дам и пылко проповедующий нечто либеральное. В противовес ему выступает консерватор – человек здравомыслящий, защитник устоев, опора власти. Ну и так далее...

Салон госпожи Печенкиной не являлся исключением. Был здесь свой меланхолик – нестарый человек, хозяин местного книжного магазина Владимир Петрович Гатилов. Он заметно сутулился и покашливал, что наводило на мысль о слабом здоровье. В роли флегматика явно выступал высокий и крепкий мужчина лет тридцати пяти Арнольд Александрович Терентьев, частнопрактикующий доктор-терапевт. Окинув Сергея внимательным взглядом, он нехотя сказал, что серьезных заболеваний, судя по внешнему виду, нет, однако пройти осмотр не помешало бы, и вручил неопиту свою визитную карточку с адресом кабинета. «Всепременно», – вежливо пообещал Сергей, убирая карточку в карман.

Амплуа вольнодумца, судя по всему, ангажировал присяжный поверенный Викентий Павлович Веревкин, явившийся с миловидной супругой своей Лидией Прокофьевной. Это ему принадлежала смелая статья в «Гатчинской мысли» насчет вывоза городского мусора. Он с ходу принялся критиковать местную управу за недостаточное внимание к благоустройству улиц. Рокоту хорошо поставленного баритона оппонировал высокий тенор, принадлежавший сублильному чиновнику канцелярии градоначальника Аркадию Ивановичу Трефилову – явному консерватору. По его словам, благоустройство велось не покладая рук, под ежедневным личным надзором городского начальства. Высказывался Трефилов многозначительно, всем видом давая понять, что знает больше, нежели может высказать. Худенькая низкорослая супруга его Мария Мироновна энергично кивала головой, во всем соглашаясь с мужем.

К стану консерваторов, судя по высказываниям, примыкал также гласный Гатчинской городской думы Роман Алексеевич Меняйло, лет пятидесяти. Покуда он, взяв доктора Терентьева за пуговицу, заочно полемизировал с либеральными публицистами, требующими студенческих свобод и расширения прав земства, молодая жена его Полина Федоровна кокетливо поправляла прическу и украдкой посматривала на Сергея. Поймав женский взгляд, тот по неискоренимой гусарской привычке невольно приосанился, выпятил грудь и подкрутил усы, хотя пышные формы госпожи Меняйло были не в его вкусе.

Душой общества являлся кругленький редактор Девяткин. Оставив супругу Ангелину Григорьевну на попечение хозяйки дома, он колобком катался от гостя к гостю, целовал дамам ручки, подавал реплики. Наряду с Белозеровым он был героем вечера. Выяснилось, что опубликованное «Гатчинской мыслью» стихотворение об увядшей розе, которое Сергея изрядно позабавило, принадлежит перу журналиста. И теперь он пожинал плоды вдохновения.

Общество восприняло поэтический опус Михаила Даниловича весьма благосклонно. Веревкин сказал, что за такие стихи и Майкову было бы не стыдно, а Меняйло щедро сравнил творчество Девяткина с поэзией Фета, причем сравнение было не в пользу последнего. «Есть, есть у нас в Гатчине свои Тютчевы и Полонские», – вяло произнес доктор Терентьев, пожимая руку автору, радостно заалевшему пухлым личиком. Мадам Трефилова даже выразила готовность сочинить на стихи Девяткина романс и тут же, присев к роялю, взяла на пробу несколько аккордов. Сам собой родился дружно поддержанный тост за таланты, произрастающие на благодатной кружковской почве. И только меланхолический книготорговец Гатилов пил шампанское с таким видом, словно в бокал вместо вина ему плеснули раствор цианистого калия.

Мало-помалу гости разделились по интересам. Мужчины устроились у стола с припасами и принялись рассуждать о серьезном, к чему располагала сугубая близость царского дворца. Веревкин сообщил, что, по достоверным сведениям, государь ведет подвижнический, чуть ли не аскетический образ жизни. Из множества дворцовых апартаментов выбрал для себя и своей семьи лишь несколько небольших комнат, расположенных на антресолях. Встает ни свет ни заря, завтракает вареными яйцами и ржаным хлебом, после чего на весь день углубляется в работу. Развлечения и роскошь не жалуется, балы и приемы стали редкостью, из-за чего большая любительница танцев императрица Мария Федоровна тоскует, хотя как верная жена воле супруга не противится.

Чиновник Трефилов подтвердил, что ровно так все и есть. Градоначальнику приходится время от времени бывать во дворце, и всякий раз он возвращается в присутствии, пораженный скромностью монаршего быта. «Какой пример для подражания! – взволнованно произнес Меняйло, прожевав кусок холодной говядины. – Вот так, забывая о себе, денно и ночью трудиться на благо государства, презреть веселье, положить все силы и жизнь свою на алтарь Отечества...» Он махнул рукой и утер невольную слезу. «В видах здоровья отсутствие излишеств – это хорошо, – кисло согласился доктор Терентьев. – Особенно если аскеза сопряжена с диетой...»

Женщины расселись у окна с видом на сад. Темы их беседы были проще и насущнее. Госпожа Веревкина возмущалась дороговизной городских рынков. «Да что же это такое! – мелодично вскрикивала она. – За курицу восемьдесят копеек просят. Золотая она, что ли? Поросенок битый – два рубля с полтиной отдай. А семга? Девяносто копеек фунт! Никаких денег не напасешься!» – «И не говорите, Лидия Прокофьевна, – поддержала Трефилова. – Вчера как зашла на рынок, так и обмерла вся. Статочное ли дело – фунт винограда сорок копеек, десяток лимонов – три рубля. Из Италии, говорят, везли. Да хоть из Бразилии! Чего цены ломить?»

Перешли на моды и в этой связи дружно осудили чересчур вольный наряд, который позволила себе на недавнем городском балу госпожа Мигалова. По общему мнению, декольте соперницы было слишком рискованным. «Она бы еще заголилась вся, прости господи», – взволнованно сказала редакторша Девяткина. «Было бы что заголять, – произнесла со смехом госпожа Меняйло, жеманно трепеща веером. – А то ведь кожа да кости...» Женщины обменялись понимающими змеиными взглядами.

Настенька сидела в кругу дам, однако участия в общем разговоре не принимала. Сергеем искоса поглядывал на девушку. Она была очаровательна. Скромное палевое платье очень шло ей, оттеняя темные волосы, заплетенные в косу. В хрупком лице ее было столько свежести и чистоты, что Сергею жгуче захотелось нарисовать девичий портрет. Лучистые карие глаза, изящный подбородок, слегка приоткрытые в задумчивой улыбке розовые губы, – о, как все это просилось на полотно!.. Гусар невольно вздохнул и вдруг заметил, что интерес к Настеньке проявляет не только он. Доктор Терентьев исподлобья и довольно пристально смотрел на девушку. Сергею сделалось неприятно. Мимолетно возникло желание взять доктора за лацканы визитки и хорошенько встряхнуть или даже вызвать на дуэль. Утешало, правда, что Настенька никакого особенного внимания на Арнольда Александровича не обращала. А вот Белозерова несколькими взглядами удостоила...

Вечер шел своим чередом. Фуршетный стол уже понес ощутимые потери, атмосфера в гостиной царила самая непринужденная, однако чувствовалось, что в воздухе висит некое ожидание. Ждали, естественно, месье Дюваля. Девяткин в подробностях рассказал, что утром уже побывал у ясновидца в номере, который тот снял в гостинице «Норд», взял интервью. Француз любезно подтвердил, что вечером, после выступления в клубе, на заседание кружка непременно пожалует.

Наконец, взглянув на часы-луковицу, Девяткин подошел к хозяйке и, что-то шепнув на ухо, удалился.

– Господа, Михаил Данилович пошел встречать месье Дюваля, – торжественно сообщила Авдотья Семеновна, грузно поднимаясь. – Должен подъехать с минуты на минуту.

Общество заволновалось. Дамы стали шушукаться, а мужчины принялись поправлять галстуки и одергивать сюртуки, хотя менее всего визит французского ясновидца можно было считать официальным.

Спустя четверть часа Девяткин церемонно ввел в гостиную двух людей. Один из них, плотный русоволосый человек, точно был Фалалеевым, русским импресарио знаменитого француза. Другой, стало быть, – долгожданным месье Дювалем.

Глава седьмая

Месье Дюваль, немолодой человек лет пятидесяти, по внешности был настоящий француз: худощавый, темноволосый, с внушительным горбатым носом, упиравшимся в подбритые, лихо закрученные усики. Черные глаза на узком морщинистом лице смотрели на окружающих спокойно, цепко и с большим достоинством. Судя по фраку и лакированным ботинкам, Дюваль приехал в салон прямо с выступления.

Авдотья Семеновна обратилась к нему с подготовленным приветствием на ужасном французском языке, спотыкаясь через слово.

– Не трудитесь, мадам, – вежливо сказал Дюваль по-русски, хотя и с заметным акцентом. – Я много выступаю в России, так что ваш язык мне хорошо знаком. А если все же чего-то не пойму, поможет Леонид.

– Запросто, – подтвердил Фалалеев, украдкой поглядывая на фуршетный стол.

Именитого гостя усадили на диван, вручили бокал с шампанским и спросили, не возражает ли он перекусить. Месье Дюваль не возражал, импресарио тоже. Подносы с тарелками Настенька поставила им прямо на колени, предварительно застеленные салфетками.

– У нас тут фуршет, без церемоний, – несколько смущенно пояснила Авдотья Семеновна.

– Это прекрасно, мадам, – успокоил Дюваль, изящно цепляя ломтик нежно-розовой семги. – Нет ничего утомительнее церемоний! Мне приходилось сидеть за столом вместе с некоторыми августейшими особами. Так я вас уверяю, что из-за требований этикета... как это по-русски... икра в горло не лезла.

Выпили за гостя.

– Как вам показалась наша Гатчина? – спросил Веревкин, приступая к светской части беседы.

– Она очаровательна, – живо откликнулся француз и даже взмахнул вилок. – Маленький, уютный, очень красивый город, – что может быть лучше? Я не раз выступал в Петербурге и в Москве. У столиц есть свои преимущества, но они подавляют размерами и суетой. А здесь я себя чувствую, словно приехал в Версаль. Такой же зеленый городок неподалеку от центра, и королевская резиденция тоже есть. Надеюсь, после выступлений у меня останется немного времени, чтобы поближе познакомиться с Гатчиной (на слове «Гатчина» он споткнулся и произнес его по слогам).

– В таком случае мы будем рады сделать для вас экскурсию, – пообещала госпожа Меньяло с душевной улыбкой, и все дружно закивали: мол, с удовольствием.

Дюваль благодарно приложил руку к сердцу.

Начали расспрашивать о том, как прошло выступление в клубе.

– Все было хорошо, – сообщил француз. – Но знаете, что я вам скажу, друзья мои? Всюду примерно одно и то же. Франция, Англия, Германия, Россия – публика везде одинакова. Всех интересует, действительно ли я умею читать мысли окружающих, не шарлатан ли я. Отвечаю: нет, не шарлатан. И каждым выступлением это доказываю!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.